ФАНТАЗИЯ

Сборник
ЛИТО
ЦДУ РАН

Москва
2016

УДК 82-1:82-3
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Ф 22

Ф 22 Фантазия [под ред.к.филол.н.
Л.И.Колодяжной].– М., 2016. – 124 с.: ил.

«Фантазия» – сборник произведений (стихов и прозы) группы участников Литературного объединения Центрального Дома учёных Российской Академии Наук

УДК 82-1:82-3
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5

©.Адлина Л.Л., 2016;
©.Балкаева Н.А., 2016;
©.Божор Н.Ю., 2016;
©.Гиршгорн В.М., 2016;
©.Колодяжная Л.И., 2016;
©.Плиско Л.Ф., 2016;
©.Поляков В.Е., 2016;
©.Скавронская М.Э., 2016;
©.Скорикова Т.П., 2016;
©.Сорокина Н.И., 2016;
©.Стасенко Л.И., 2016;
©Ткачевская Е.П., 2016;
©.Фомина З.П., 2016;
©.Хатина Т.М., 2016;

СБОРНИК
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
УЧАСТНИКОВ
ЛИТО ЦДУ РАН

«ФАНТАЗИЯ»

составлен по материалам
одноимённого
литературно-музыкального
концерта, видеозапись которого
размещена на сайте
«ЛИТО НА ПРЕЧИСТЕНКЕ»
www.lito-cdu.ru

Содержание

Предисловие руководителя ЛИТО,
к.ф.н., поэта Л. Колодяжной
стр. 6

Адлина Л., *стихи*
стр.10

Балкаева Н., *стихи*
стр. 16

Божор Н., *стихи*
стр. 20

Гиршгорн В., *проза*
стр. 24

Колодяжная Л., *стихи*
стр. 34

Плиско Л., *стихи и проза*
стр. 46

Поляков Вас., *проза*
стр. 54

Скавронская М., *стихи*
стр. 76

Скорикова Т., *стихи*
стр. 86

Сорокина Н. *стихи*
стр. 96

Стасенко Л., *стихи*
стр. 100

Ткачевская Е., *стихи и проза*
стр. 102

Фомина З., *проза*
стр. 114

Хатина Т., *стихи*
стр. 118

Предисловие

В Толковом словаре С. И. Ожегова дается следующее определение понятия «*фантазия*»:

1. Способность к творческому воображению; само такое воображение.

2. Мечта, продукт воображения.

Человек разумный, появившийся на Земле, обладает такой способностью. С самого начала человеческой истории возникают и плоды фантазии, вначале, как народное творчество: сказки, мифы, древняя наскальная живопись, обряды, песни, танцы и т. д.

С развитием различных религий возникают великие книги, такие, как Библия и развивается религиозная культура – в живописи, архитектуре, в музыке, в обрядовом пении...

С развитием письменности создаются светские произведения и возникает такая ветвь в литературе, как «социальная утопия».

Название этого жанра происходит от одноимённого произведения Томаса Мора, написанного в 1535 году. «Утопия» – это остров, на котором построено справедливое государство.

Жанр «фантастики» развивается и в наше время – вспомним романы Жюль Верна, Герберта Уэллса, Александра Грина, Александра Беляева антиутопии Джорджа Оруэлла («1984» – 1944 год), Евгения Замятина («Мы» – 20-е годы 20-го века). Наконец, наших современников – Ивана Ефремова и братьев Стругацких.

Но ведь к фантастическим жанрам в литературе можно причислить и произведения великих сказочников – Ганса Христиана Андерсена, Шарля Перро, Антуана де Сент-Экзюпери, а также сказки и фантазии русских классиков – Александра Одоевского, Александра Пушкина, Николая Гоголя, Михаила Булгакова.

В сборнике «Фантазия» мы поместили стихи и прозу участников Литературного объединения Центрального дома ученых РАН, которые прозвучали на одноименном концерте в январе 2015 года.

Предисловие завершается стихотворным посвящением Ивану Ефремову – великому ученому-палеонтологу, писателю, философу, историку (он один из немногих написал историю Александра Македонского, подробно изобразил мир и культуру Древней Греции и Египта в романе «Таис Афинская»). В его последнем романе-антиутопии «Час быка» есть такие строки:

«Эти серебристые колокола звенят долгими нотами особенно чистого тона... И будто я бегу на этот зов...»

Снова там загорелась мгла,
сумрак тающий стал лучистым,
словно – прошлого колокола
перешли на плач серебристый.

Где ты слышал такой же тон,
ноты долгие, зовы чистые,
день, качнувшийся, как дин-дон –
слух туда, вспоминая, мчится,

пробивается сквозь туман,
кисею над рекою редкую,
пробирается сквозь обман,
свитый ивой, чуть сбитый веткой.

Снова ты сквозь рассвет бежишь,
сбросив жизни прошедшей бремя,
понимая – ведь ты стоишь,
а бежит пред тобою – время...

Людмила Колодяжная,
к. филол. наук,
руководитель
ЛИТО ЦДУ РАН,

февраль 2016 года

Лариса Адлина

Полёты серебристых кораблей

Земля моя

Моя Земля придумана для старта
Огромных, серебристых кораблей.
Для мирных взлётов вычерчена карта:
Степей, полупустынь, лесов, полей.

Земля – желанный дом для возвращенья
Ракет – усталых от других планет.
Весомый шаг – полётов завершенье –
Зовёт из мира огненных комет.

Зовут обратно в звёздном удаленье
Дожди – им притяжение дано.
Порадует спокойным приземленьем
Сиянье глаз, – и не одно оно.

Так, кто-то, как во время Магеллана,
Воскликнет звонко, радость не тая:
«Земля!», среди межзвёздного тумана,
Заметив тёплый свет, «Земля моя!».

2014 г.

За солнечным словом

Век сложный сейчас – электронный,
Новинками мир наводнил,
Техническим вихрем невольно
Наш русский язык обновил.

Век новый, – межзвёздный, с порога
Таинственным светом в полёт,
За солнечным словом в дорогу,
К безмолвным планетам зовёт.

С Луны посылать сообщенья,
С Юпитера внукам звонить
И все неземные свершенья
Космическим словом хранить.

Начнут на просторе галактик
Слова мелодично бродить,
Там будут пилот и романтик
С Землёй о любви говорить!..

Пусть голос разбудит планеты,
Речь станет вселенной владеть!
Появятся в мире ракеты
За солнечным словом лететь!

8 августа 2014 г.

Очертания нашей планеты

«Заветный луч магического света,
Рождаемый восторгом и красой!»
Джордж Гордон Байрон

Блестят в пространстве тёплые огни,
Живым восторгом светятся они.
Жаль, посмотреть со стороны нельзя.
Как выглядит из космоса Земля.

В холодной мгле она не велика,
Вся в светлых облаках – бела, легка.
Планеты нашей основной секрет –
Одна цветёт, где рядом жизни нет.

Заметны очертания морей
С простых орбит летящих кораблей,
А человек не виден, слишком мал,
Но из ракеты сам свой шар снимал:

Материки, туманные слегка,
И в золотистом свете облака.
Чтоб дома любоваться все могли
Бескрайними просторами Земли,

Гордится тем, что там, издалека,
Видны родные горы и река.
Беречь, ничем, не причинив вреда,
Живой планеты жизнь – везде, всегда.

Чтобы цвели сады, луга, поля –
И, войнами границы не деля,
Была сохранна в космосе Земля.

2015 г.

Космические встречи

Сквозь потоки солнечного света
Разглядит из множества огней
Нашу тёплую и шумную планету
Кто-то из космических гостей.

Звёздные бескрайние просторы
Покорить решит лихой смельчак,
К нам под облака проникнет взором
Лишь из любопытства, просто так.

Если прилетит с коварной целью,
С ворохом из потайных затей,
Сохранить необходимо Землю, –
Различить опасность и друзей.

Можно улетая с космодрома
Тихо прошептать Земле: «Люблю».
На пути к другим мирам, как дома,
Подмигнуть чужому кораблю.

Добрый знак вдали понять не сложно,
Если к встрече сотни лет идти.
Только где, в каком краю возможно
Корабли галактики найти?

2013 г.

Триолет о земном вращении

Мне нравится земная ось,
Та, на которой всё вращается.
За всё, что в жизни удалось,
Мне нравится земная ось.
Пусть счастье полно не сбылось, –
С мечтою ладить получается.
Мне нравится земная ось,
Та, на которой всё вращается.

2010 г.

Ночной маршрут

Уходит плавно тёплый поезд от перрона.
Он тайно следует в созвездье Ориона.

Напевный стук колёс ночной дороги,
Лес убегает вдаль, неразличимо строгий.

С подушки в тёмное окно смотреть несложно,
Вверху небесный атлас разглядеть возможно.

Там путеводная звезда нас направляет –
Она не только в небе всё определяет.

Я долго ночью наш маршрут сверяла
И тайну эту чуть во сне не потеряла.

Мигают дальние огни в окне вагона.
Курс выбран чётко – на созвездье Ориона.

Октябрь 2008 г.
Поезд «Москва-Сочи»

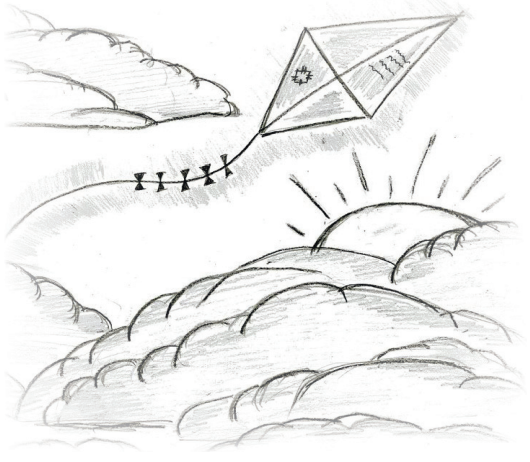
За воздушным змеем детства

Воздушного змея полёт,
То близко вверху, то вдали,
На привязи радость несёт.
Насколько хватает земли.

Разбег. И за ветром в простор,
Жаль, только бежать и смотреть.
Век юный желанием скор –
Сейчас бы за ним полететь.

Мне крылья на миг подари.
Мой ветер, меня подхвати,
От детства чудесной зари
К мечте моей выше лети.

2015 г.



Нина Балкаева

Бессмертие возможно во Вселенной

Бессмертие возможно во вселенной,
Гармонию в душе своей взрасти,
Созвездья мир увидеть бы нетленный –
Власа, как Вероника, распусти.

И Млечный путь опять тебя поманит,
Вновь – эра Льва и Сфинкса-двойника.
И Орион Большого Пса погладит,
А Малый Пес вильнет хвостом слегка.

Да, Боги Ориона знали точно,
Как пирамиды подарить Богам.
Всевидящее Око непорочно,
И гимны всем: Плеядам, Вегам, Львам.

Активная галактика Центавра
Спиралью входит к нам в окно.
Гигантская галактика Центавра –
Здесь все просчитано давно!

Ядро галактики уходит вверх – налево,
И звездопадом обозначен путь.
Я загадать желание успела,
А ты в расчетах ищешь суть.

Найди могучее Начало,
Согласье родственных миров
И что же искорка пропала?
Найди! Ответ каков?

Вселенная становится наградой

О! как свежо, ни ветерка, ни мрака,
И ты не спишь, и мне приказ – проснись!
Опять Луна в созвездье Рака,
И Орион над окнами повис.

Ты взглядом зацепил за пояс Ориона
И всполохи в душе моей зажглись,
Не дома я, я – на краю балкона,
Где наши звезды в луч один слились.

Так ясно все законы проявились
И бесконечность мы познали навсегда,
Небесные светила расступились,
Часы сверяет нам Полярная звезда.

Всех ярче блещет Бетельгейзе,
Встречаемся всегда мы – Там,
как красноватый звездный гейзер,
Плеяды манят на Альдебаран...

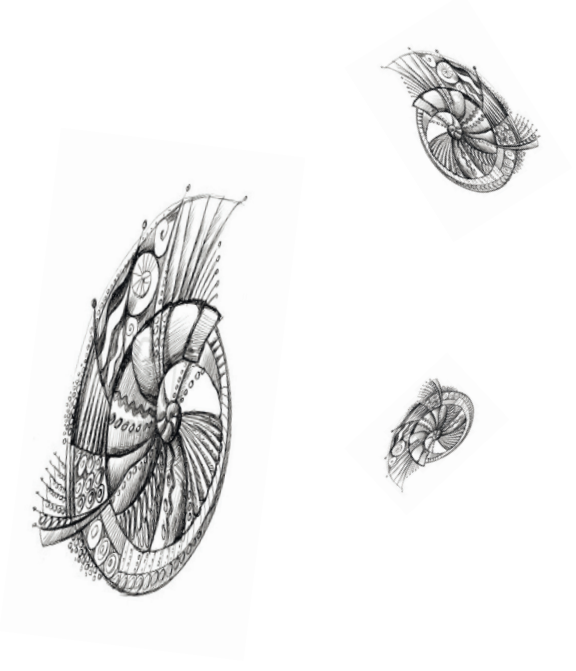
Земных вестей мне посылать не надо,
Вселенная – у ног твоих сейчас.
Вселенная становится наградой –
Все мысли и слова – глаза в глаза

Наталья Божор

Города из ракушек

* * *

Тропою
Уводящею
В Безбрежность
Написанной
Строкою
До рассвета
Тем
Ароматом
Солнечного
Лета
Тебе
Любовь
Моя
И Нежность



* * *

Твоя
Невыразимая
Улыбка
Твой
Взгляд
Из-под нахмуренных
Бровей
Строка
Моя
Как маленькая
Скрипка
Неповторимой
Прелести
Твоей

* * *

Дети строят города
Из ракушек,
И прилетают к ним
Аисты
Вить гнёзда,
И одинокие художники
Рисуют на мольбертах
Ветер.
Возьми в руки
Такой город.

* * *

Я Таллин, как птицу,
Сложившую крылья,
Возьму на плечо,
Когда тьма затушует
Улочки, крытые камнем.

* * *

Вы
Далеки
И все
Мои
Стихи
Написанные
Мною
У реки
Завешенные
Белою
Звездою
Рассыпаны
Холодною
Луною
И вдаль
Уходят
Словно
Родники

* * *

У Розы
Облетели
Лепестки
Когда я
Не пишу
Тебе
Стихи
Хрустальным
Звоном
Травы
Полегли
И звёзды
Опустились
В родники
Колышутся
Под ветром
Тростники
Когда я
Не пишу
Тебе
Стихи

* * *

Высоцкому

Уходит по скользкой платформе
В оранжевый ветер,
В который так трудно играть.

Вадим Гиршгорн

С младых ногтей

Детская игра – всегда фантазия, устремленная в будущее.

Признаться, я частенько езжу к мощам святой Матроны: выхожу из метро «Таганская», перехожу дорогу и жду троллейбуса, идущего к Покровскому монастырю. В этот раз мое внимание привлекла четырехлетняя девочка, она вместе с бабушкой ждала троллейбус. В руке девчоночка держала необычную игрушку – размером с ладонь взрослого человека модель винтомоторного военного самолетика времен Второй мировой войны. Я не мог не приметить эту малышку. Мы вошли в салон, и она села через проход от меня, над ней стояла бабушка.

Когда транспорт набрал ход, я не удержался и спросил девочку: «Ты любишь самолеты?» За нее ответила бабушка: «Ей четыре года. Она любит самолеты и животных. О куницах знает все, изучает их. Когда ей дарят куклы, она говорит: «Что вы мне принесли?» Меня немного встревожила такая взрослость мышления. Девочка повернулась ко мне, на меня обратилось ее красивое личико с рамкой из крупных кудряшек.

– Папа мне купит «кукурузник», – она мечтала о новом самолетике.

– «Кукурузник» двухместный, – ответил я, – ты сядешь на место пилота, а сзади посадишь папу.

От такого моего заявления сидевшие поблизости пожилые женщины расчувствовались. Моя соседка воскликнула: «Вот оно счастье, ну чего нам еще?» Женщина напротив сказала: «Моей внучке четвертый год. К нам пришла родственница, и она наслушалась разговоров о беременности. Теперь она мне говорит: «Бабушка, ты что не знаешь? Женщины бывают беременны». Ей три с половиной года». «Ничего, может еще забудет», – обнадежил я бабушку.

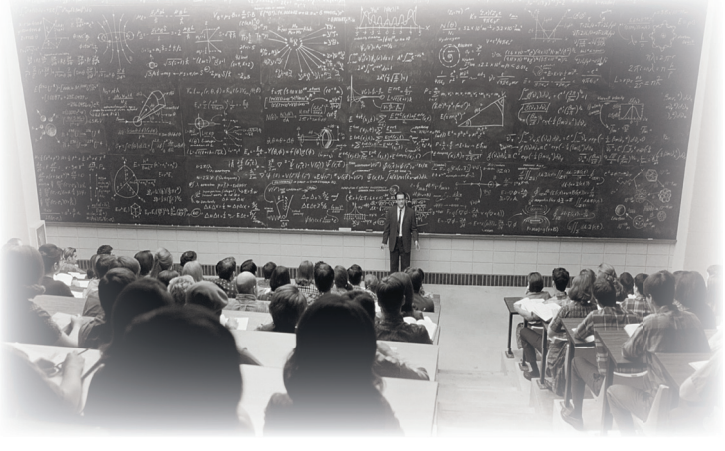
На монастырской остановке я выходил. Хотелось еще с улицы помахать девочке рукой, но там уже сидели другие люди. Пройдя несколько шагов, я снова увидел впереди метрах в пяти эту трогательную пару, бабушку и внучку. Миновав первую монастырскую арку, бабушка остановилась сменить городской головной убор на более уместный в храме платок. Я подумал, что бабушка, наверно, в этот день расскажет внучке много интересного о Силах Небесных. И девочка будет знакома с двумя ипостасями мира: и с небом, где летают ее любимые самолеты, и с Обетованными Небесами, которым она доверчиво себя вручает. Ножки девочки в красных колготках ступали деловито и гармонично, в правой ручонке попрежнему был зажат самолетик – истребитель. Вот она смело идет по земле, представитель самой юной технической поросли, уверен – это мой будущий собрат инженер!

26 – 27 марта 2014г.

Лекция

В давние уже для нашего поколения времена служил профессором кафедры одного из высших инженерных учебных заведений Москвы Андрей Петрович Чистиков. В послереволюционные двадцатые годы он, как и все профессорское сообщество, чувствовал себя в новой жизни несколько непривычно и сиротливо. Компенсируя это, объединенные по принципу давнего знакомства профессора иногда собирались отобедать вместе для поддержания научного духа и обмена новостями.

В то время в беседах среди прочего обсуждался и проект профессора медицины Преображенского, получивший условное название «Шариков», посвященный приближению собаки к образу человека. Догадываясь о фрондерской сути этого проекта, Андрей Петрович усмехался в усы. Однако при всем глубоком уважении к Преображенскому и бережном отношении к нему Чистикова беспокоил другой аспект сюжета: сама возможность сосредоточения внимания



людей на изменении наследственности человеческой природы. Сидя за столом с накрахмаленной салфеткой за воротом рубашки и не забывая отдавать дань кушаньям, Чистиков пророчески заявлял: «Эдак, упаси Господь, дойдет дело до скрещивания человека с обезьянами или другими формами человекоподобной жизни!» (Что, к прискорбию, и правда, случилось через десять – пятнадцать лет). – Пора задуматься, – высказывался Андрей Петрович, – не о гибридах, не о мутантах, а о научных подходах к укреплению жизненных ресурсов человека, исходя из его естественной природы и среды обитания! – Ловим Вас на слове, – откликались соседи по столу, – изложите Ваши соображения, лучше публично. –

С тех пор Андрей Петрович стал обдумывать и писать лекцию, которую бескомпромиссно назвал «Что делать». Он приложил организационные усилия и вот через несколько месяцев на городских новостных щитах и тумбах появились объявления о том, что в лектории Политехнического музея профессором Чистиковым будет прочитана лекция «Повышение жизненных ресурсов человеческого организма: Что делать».

На лекцию пришло много молодежи: студенты Андрея Петровича, студенты других учебных заведений. Пришли из организации безбожников, их специфически волновала позиция науки в отношении религии. Пришел молодой московский рабочий класс, жадный до знаний. Ребята отстояли смену, сняв робы, после душевых облачились в чистое и пришли, как на праздник, многие из них учились в техникумах, институтах. Это была будущая советская интеллигенция. Время в стране – не сытное, некоторые из них, сидя в лектории, грызли, приглушая голод, чер-

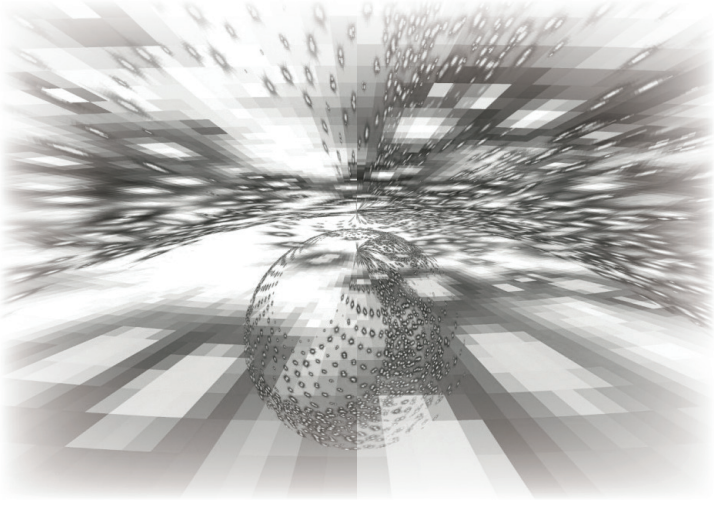
ные сухари. Конечно, пришли и знакомые с Андреем Петровичем преподаватели, профессора, с любопытством ожидавшие исполнения данного Чистиковым обещания. Поприветствовав собравшихся, Андрей Петрович перешел к изложению своих взглядов.

– Друзья! Вам, конечно, известно, что жизнь на земле зародилась на границе водной и воздушной среды, на границе земли и воздуха. Здесь на разделе сред существует накопление энергетического потенциала, а энергия – это жизнь. Поэтому первыми крупными формами жизни на земле были земноводные и пресмыкающиеся: крокодилы и змеи, ящерицы и ящеры, которые и при передвижении, и в покое примыкали непосредственно к поверхности воды или земли. Все они были хладнокровными, и переваривание пищи шло медленно, но энергии потенциала на поверхности земли и воды, а также особо усваиваемой энергии солнца и тепла с лихвой хватало для подвижной жизни. Только хорошо обеспеченные энергией животные могут иметь такую большую длину, такую асимметрию тела; ведь в случае дефицита энергии, с целью ее экономии, природа использует для тела шарообразную форму или близкую к ней. Только животные этой ниши могут, благодаря такому высокому энергетическому ресурсу, обладать свойством регенерации и вырастить себе новый хвост, как это делают ящерицы. (Неплохо бы и нам, людям, иметь такую реабилитационную способность органов). Только эти животные могут не растягивать линьку на месяца, а единовременно сбрасывать старую кожу, как это делают некоторые виды змей. – Физиологи внимательно слушали рассуждения инженера.

– Но вот к концу мезозойской эры экологическая ниша на границе фаз была переполнена, и, чтобы выжить, нужно было быстрее убегать и быстрее нападать. Появились животные с длинными конечностями, но с землей они контактировали только лапами и копытами. Сразу ухудшилось энергетическое обеспечение: это проявилось в том, что уменьшилась асимметрия тела, как рудимент прежней предполагаемой длины остался только хвост с несколькими позвонками, а то и без них. Линька стала длительной, а выращивание утраченных частей тела стало невозможным. Те же животные, которые ушли совсем в другую среду обитания: в воздух, под землю и окончательно утратили способность к существованию на границе фаз, – обрекли себя на еще больший энергетический дефицит. Форма тела приблизилась к каплевидной, способность к реабилитации, в плане заживления ран, стала очень слабой.

Что же делать человечеству, исходя из этих природных условий, чтобы повысить свою жизнестойкость? (Да, что? – с нетерпением вопрошали студенты). Мы убедились, рассматривая представленные доказательства, – продолжал Андрей Петрович, – живым существам свойственно усваивать как пищу, так и энергию. Мы же, человечество, думаем только о пище, но в силу своей природы, слабо, только через ноги контактируя с землей, на самом деле нуждаемся не меньше и в интенсификации энергообмена. Какие же действия надо предпринять, чтобы увеличить приток энергии?

Во-первых, заниматься физкультурой, спортом, физическим трудом, не забывая, конечно, и о питании. (Кто-то из простодушных сочувствующих крикнул:«И то верно, лучше, чем пить-то!»).Энергообмен таких людей, – продолжал Андрей Петрович, – усиливается. Вы видите, что структурно такие



люди организованы лучше: у них красивые фигуры, развитая мышечная система. То же касается и их внутренних органов – они лучше организованы структурно, лучше работают функционально. Я уверен, – вещал Чистиков, – что в дальнейшем с привлечением математического аппарата будет доказано улучшение структурной организации открытых термодинамических систем (в том числе и человека) в условиях интенсификации их обмена веществом и энергией с окружающей средой. (Это действительно было доказано лет через 30 – 40 Нобелевским лауреатом Пригожиным).

Во-вторых, – говорил Андрей Петрович, – надо приблизиться сколь возможно к той границе воздух – земля, которую покинули наши пращуры. Такую возможность дает нам выполнение земных поклонов. – Но это же идет в разрез с антирелигиозной пропагандой, – озабочено произнес один из преданных Андрею Петровичу студентов. – У Вас, Саша, – помня его имя, откликнулся Андрей Петрович, – своя голова на плечах. Эта традиция дана нам издавна и не зря, ею нельзя пренебрегать! Это великолепный способ насыщения организма энергией. К тому же (Андрей Петрович пошел «ва-банк»), если дополнить поклоны молитвой, происходит насыщение не только энергией, но и информацией. В этом оздоровление.

Слушать это было выше сил безбожников. С верхних рядов раздались крики «не позволим, не позволим», но что они не позволят некоторое время оставалось не ясным. «…Не позволим на трибуне революционной науки устраивать шабаши религиозной пропаганды! – наконец выдали безбожники, – Долой, долой!!!». Поняв, что лекция подходит к концу, профессура и преподаватели в это время аплодировали докладчику. Безбожники вниз по рядам кинулись к рампе – студенты во избежание осложнений заступили им дорогу. В это время на каком-то общественном мероприятии в фойе оркестр грянул марш и хор запел: «Мы синеблузники, мы профсоюзники…». В этих условиях продолжать лекцию не имело смысла. Чистиков покинул зал, и, окруженный студентами, стал спускаться по лестнице. Почему-то в эти нервно-напряженные минуты Андрею Петровичу бросился в глаза висящий на стене лозунг, приписываемый боевому наркому Кагановичу: «НАДО РАБОТАТЬ ТАК, ЧТОБ НИГДЕ НЕ ПОДТЕКАЛО!» Рефлекторно Чистиков воспринял это, как реакцию официоза на его выступление.

Вместе с ребятами он вышел на улицу. Всё успокоилось, и студенты благодарили за лекцию, Андрей Петрович раскланялся с ними. На душе было мутновато; возможно, от того, что он уже предвидел некоторые неласковые аспекты своей судьбы. Действительно, через несколько лет, когда дискуссии в

обществе будут окончены и наступит время жесткой дисциплины, ему припомнят эту лекцию, квалифицируя ее как пособничество служителям культа. И только важность для страны научных работ Андрея Петровича спасет его от ареста и лагерей.

И все же Чистиков понимал, что любой из присутствовавших на лекции, как бы он ни отнесся к предложенному ему пути укрепления здоровья, к сожалению, со временем столкнется с дефицитом жизненного ресурса и будет воевать со своими хворями наедине с собой. У такого человека будет время вспомнить этот зал, лекцию и обдумать использование в своем лечении энергетических принципов. Андрей Петрович считал, что поступил верно: если человек еще не осознал рациональной полезности духовных начал, следует говорить с ним на языке разума и науки. Несмотря на незапланированное бурное окончание лекции, Чистиков был доволен ею и рад тому, что поделился своими знаниями. Сделав для себя такие заключения, Андрей Петрович облегченно вздохнул, приосанился, поправил «котелок»: свой гражданский долг он выполнил. Чистиков бодро зашагал знакомой столичной улицей, прикидывая: нанять ему на Лубянке извозчика или забраться на площадку вагона вечно переполненного московского трамвая.

7 – 11 ноября 2013 г.

Людмила Колодяжная

И ладонь касается вселенной...

В ночь – всегда распахнуто окно,
свет бежит из комнат, как из плена,
воздух, как холодное вино,
и ладонь касается вселенной,

где уже звезды дрожит кружок,
оставляя отблеск на иконе,
может, скоро выпадет снежок
звездами украсит подоконник.

На столе чуть теплится свеча,
пред которой мы сближаем лица,
может быть, от звездного луча
робкий свет сильнее разгорится,

в тишину растворено окно,
свет бежит из комнат, как из плена,
где мы пьем холодное вино,
словно часть прозрачную – вселенной.

О чуде

«И вновь без возраста природа...»
Райнер Рильке

Дождя весеннего порыв
нам говорит об урагане...
Хранится Чудо, как дары,
в сосудах в Галилейской Кане.

Об этом – сказано давно.
Апрель. Дождя порывы чаще,
вода становится вином –
оно уже разлито в Чаши.

Об этом – слышится в Псалмах,
когда без возраста природа...
Поется в храмах и домах,
когда бушует непогода.

Об этом – ранний птичий глас,
когда смолкают разговоры,
и только ветер – часть простора
не прерывает свой рассказ.

Об этом – Ангел нам поведал,
тот, что когда-то победил...
А Чудо – это только тыл,
где забываем мы о бедах.

Посвящения великим фантастам

451 по Фаренгейту... (памяти Рэя Брэдбери)

Из тающих облачных льдин
последняя выжата влага.
Четыреста пятьдесят один,
жара и горит бумага.

Тетрадь обращается в прах,
жизнь сжата вся на ладони,
от слов тает свет в глазах,
слов, падающих в бездонье.

И мир укрыт тишиной,
безмолвьем, от края – до края.
Неопалимою Купиной
Слово горит, не сгорая.

И все же – по руслам рек,
последние звуки теряя,
какой-нибудь человек
бредет, книги вслух повторяя.

Великим строкам учёт
ведя, – ведь жизнь возродится,
и кто-нибудь снова прочтет –
сохраненные им страницы.

Четыреста пятьдесят, жара...
Около двести по Цельсию.
Бумага сгорает, пора –
по строкам идти, как по лезвию...

По мотивам строк великого фантаста Ивана Ефремова

Таис Афинская

Древнее имя – пароль на устах,
дымок, прозрачное бремя.

Стрелочки –черточки на часах
веером кружат время.

Тень твоя рядом – посторонись...
Дай вглядеться в прохладу,

там – притаилась тенью Таис,
за горизонтом Эллады.

Дай приглядеться – облик знаком,
так мне об этом пелось –

хочешь, предстану ее двойником,
в пыльный окутана пеплос?

Пряди темной прильнут волной
к берегу новой чужбины,

тысячелетнею тишиной
спутаны, словно тиной.

О, не пугайся праха времен,
имя шепча сквозь имя...

Времени льдины – един закон –
быть незнакомкой – любимым,

быть лишь тенью, меняя роль,
тень – легчайшее бремя.

Стрелочки, строгие как пароль,
веером кружат время.

Тибетский монастырь

(по мотивам повести
Ивана Ефремова «Лезвие бритвы»)

Горизонт отдавал последние соки
Алой краски, земле их напрасно даря,
В час, когда и мы подошли к высоким
Воротам горного монастыря.

Мысли крутыми тропами вились,
Облако плыло на расстоянье руки,
От ручья молитвенно доносились
Редкие – мельниц буддийских звонки.

Только даль ждала – когда же причалит
К горизонту первый морозный туман,
Ритмом замедленным и печальным
Вторил звездной музыке – барабан,

Чьи удары сплетались со звуками теми,
Для которых не создано мелких нот,
Постепенно слух – к одинокой теме
Привыкал, отрешась от иных забот.

Только Бог отзывался на звуки эхом,
да фонарь, стоящий здесь тысячи лет,
освещал крупинки сухого снега,
посылая звездам свой слабый свет…

Посвящения Михаилу Булгакову

* * *

«Это знает уставший...»
Михаил Булгаков

Если ты много страдал перед смертью,
если летел над вечерней землей,

если ты был пригвожден к этой тверди
солнца лучом или звездной иглой,

если в озера твой образ уронит,
встав за плечами, негаснущий свет,

если тебя кто –то дальний наклонит
к горней ладони как ивову ветвь,

если на облаке книгу читаешь,
как откровенья горящий устав –

ты разрываешь звенья и знаешь,
что покидаешь туман сей, устав,

без сожаленья, с отрадою в сердце,
грешных не помня, бросивших ком,

зная, что рай там, за облачной дверцей,
зная, что ночь накрывает платком

жизнь, что казалась вечности равной –
временем названный будней клочок –

но оказалась только лишь раной –
в сердце того, кто любил горячо...

Маргарита

«Слушай беззвучие, слушай...» –
память рыданьями смыта.
«Плещут нам райские кущи!», –
шепчет, смеясь, Маргарита...»

Сад, невесомые чащи,
рай для любовников верных,
тех, что наполнили чашу
древнею кровью фалерна.

«Яду мне, Господи, яду!» –
только страданье бессмертно,
неотвратима прохлада
и тишина Того Света.

Время цветения вишен,
берег средневековый,
слушай же, слушай затишье,
пали земные оковы.

Здесь завершается чудо –
дом и зажженные свечи,
сон охранять твой я буду
завтра, сегодня и вечно.

Сброшен страдания камень,
пали земные оковы,
там – гаснет грешное пламя,
здесь – несгоревшее Слово.

Дом Булгакова на Садовой, 302 –бис

Думали мы о расплате –
той, за вечным порогом.
Вспомнили мы о Пилате,
идущем лунной дорогой.

Небесным он шел переходом
к неведомой нам еще вечности.
А мы были лишь пешеходами
на улице бесконечной.

И мы остались прогуливаться
по длинной Садовой, по Кудренной,
вдаль уходящей улице,
млечным светом припудренной.

Луна развалилась на части –
там, в переулках над Бронной...
Мы шли к великому Мастеру
к пятиэтажному дому,

в квартиру пятидесятую,
шли по великим строкам,
где он написал про Пилата,
где он рассказал про Бога.

Мы шли вослед за Пилатом,
лунною шли дорогой,
мы думали о расплате –
там, за вечным порогом.

Ласточка из романа «Мастер и Маргарита»

«Крылья ласточки фыркнули над самой головой игемона, птица метнулась к чаше фонтана и вылетела на волю...»

Пусть птица вылетит на волю,
сверкнувши над фонтанной чашей,
пусть тень крыла ее уколет
дремоту душ, в тени уставших,

чтобы тебя до сердца тронуло
полета птичьего безумство,
чтобы из слов сложилась формула,
произнесенная лишь устно

устами, в чем –то виноватыми,
ведь кровь настойчиво стучится
в висок... В прохладе колоннады
поет фонтан... Ты скажешь – птица

кружит над лепкой капители,
крылом узоры задевая,
и мы с тобой когда –то пели,
как ласточки, из трав свивая,

пытаясь выстроить мучительно
дом на песке, забыв про камень,
чертя как ласточки стремительно
круг под чужими потолками,

приняв безвыходность плененья,
как дань запутанности веток –
ведь нет ни тени преступленья
в душе – еще открытой свету.

На волю вылетает птица,
сверкнув над чашею фонтанной,
но тень крыла ее, как спица,
круг жизни чертит неустанно...

Дом Гоголя в Москве

Суровый ветер плыл Суворовским бульваром.
Мы шли, в тот час об этом забывая...
Мы шли, покорны вешнему угару,
который ладаном, порой, нас обвевает.

Плыл вечер сквозь Никитские Ворота,
на перекрестках светофоры тлели,
указывая – там, за поворотом –
Тверская начинается аллея.

И там – кончался этот день весенний,
полупрозрачный свет в дали качался –
абрисом древней церкви Вознесенья,
в дали той – Пушкин с Натали венчался..

Дом Гоголя в тени арбатской таял...
Мы шли старинною Москвой огромной,
и нам казалось, будто мы листали
листы сожжённые Второго тома...

Фантазия: Вечный ремонт

У Вас в доме – вечный ремонт,
у меня – непогода тоже..
К Вам иду, раскрывая зонт,
потому что – Московский дождик.

У Вас – новый скрип половиц,
словно пенье, слуху отраден.
У меня – новый плеск страниц,
в той, подаренной Вами тетради.

Но не надо ремонт завершать –
я привыкла к пустыне этой –
чтобы новое что-то читать,
побродивши по белу Свету.

К потолку поднимая взор,
видеть новую люстру и тени,
изучая новый узор –
вспоминая старые стены.

У Вас в доме вечный ремонт...
Шторы нет, и Луны светит блюдце...
Я уйду, забывая зонт,
чтоб когда-нибудь к Вам вернуться...

Людмила Плиско

* * *

Фантазия! Ты чарами полна,
Ты сотворила мир в пустующем просторе,
К тебе моя душа обращена,
Фантазия, ты мне сказать должна:
Как новый мир из старого построить?
Как время, что упущено, догнать?

Шоколадный мир

У меня шоколадные стены,
Шоколадные пальмы вокруг.
Всё пространство овеяно негой,
И орнамент сплетает уют.
Золотится ковер под ногами,
Лиловеют ланцеты-листы,
И дивана штрихи веерами
Изогнулись на Млечном пути.
Вязь Востока с ковра наступает,
Знак солярный ритм жизни ведет,
Колокольчик на цепи свисает,
Он привязанность к жизни дает.

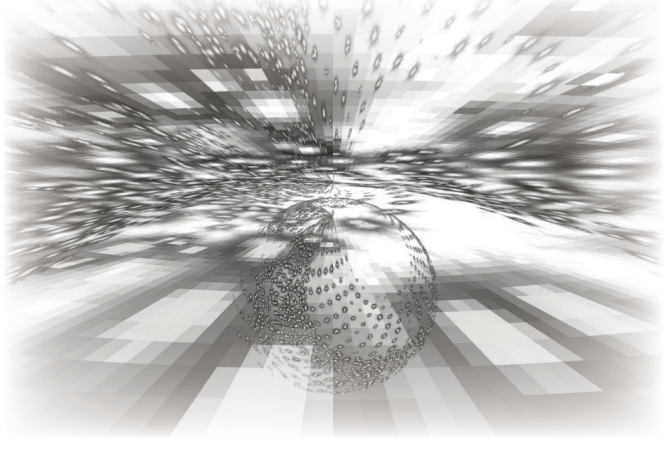
День затих. Темнота наступает.
Задвигается занавесь-щит,
И павлиньи хвосты отсекают
Мир наружный от шелка мечты.
В затворившем меня окруженье
Вдруг окликнет иль запах, иль цвет,
Жест невнятный посеет сомненье,
Но испросит душевный ответ.
И портрет оживет на камине,
Звякнет чисто и нежно хрусталь,
Воздух легким овеет жасмином,
Но ничто не развеет печаль.

04.04.2008 г.

Торсионные поля
(первичные «кирпичики» в основании мира)

Часто чудится Египет:
Некий ветер, некий скипетр,
И вокруг него кружится
Из верблюдов вереница
По пустыням ветры бродят,
Где-то скипетры находят
И вокруг него заводят
Торсионный хоровод.
Это могут быть пигмеи,
Скарабеи, в кольцах змеи
Это могут быть верблюды,
Может просто царь-песок.
Эти танцы на подвесе,
Эти танцы на луче,

На качелях, на тележке,
На оси земной подвески –
Так ведут себя бурлески
В торсионном вакууме.
Там, где скипетры ходили,
Там они и наследили.
И теперь до нас доходят
Безымянны письмена:
От лица царя – химера,
Скарабея – шар из нервов,
От змеи – одна перчатка,
От верблюда – два горба.
Если есть песок в пустыне,
Веретенные картины
Оставляют автоленты
На кружащемся песке.
Как на небе пишут звезды,
Как на море ходят волны,
Так и вакуум физичный
Все хранит в своей душе.



Пушкин в Крыму

19 августа 1820 года на парусном корабле «Або»,
курс которого пролегал из Феодосии в Севастополь,
прибыла в Гурзуф семья генерала Раевского.
Генерал пригласил в это путешествие
юного Александра Пушкина,
друга его сына Николая.
«Або» остановился на рейде вблизи Гурзуфа,
были спущены шлюпки,
и пассажиры с багажом доставлены на берег.
Александру 21 год, его захватило путешествие,
душа молодого поэта ожила.

Пушкинский дуб

Скажите, кто же из нас не помнит строчек –
У Лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том.
И днем и ночью Кот Ученый
Все ходит по цепи кругом.

В детстве у меня все время вопрос вертелся: Как это Кот по цепи ходит? На цепи что ли? Вопрос так и остался. А вот Дуб для меня был волшебным. И мне посчастливилось встретиться и с Лукоморьем и с Дубом в Гурзуфе, в Военном санатории, в котором я и бывала неоднократно, и вот только этим летом увидела этот Пушкинский Дуб.

Разыскали мы Дуб в дальней части парка. Со-

всем рядом была оливковая рощица, на берегу, прячась в ней, юный Саша подглядывал за девочками Раевскими, когда они купались в море. И море в том 1820 году было совсем близко и к рощице и к Дубу. Тогда-то и родилось это Лукоморье. Теперь Дуб стал Великаном.

В нем образовалось огромное дупло, ветви – широко разведенные – плечи волшебника.

Ну а где же Кот Ученый? И вот мы, бабушки в «пятой» степени, решили, что Кот быть должен, тем более, – Ученый.

А котов в этом замечательном парке было видимо-невидимо. Они чувствовали себя в тени кипарисов и кедров очень по-домашнему. Они строем выходили ко входу в столовую. Их любили, угощали и радовались их обилию.

Но нам нужен был Кот Ученый. Какой из них, определить сразу было трудно. И мы решили, что разберемся на месте. Поэтому пригласили всех котов к Дубу. И эта затея оказалась не такой простой. Мы запаслись угощением для котов, щедро рассыпали лакомые кусочки, звали, подгоняли, но коты обучаться не торопились, хотя шли за нами по дорожкам, скакали по каменной балюстраде, и дружной толпой мы прибыли к Дубу.

Но попытки выбрать из этого сообщества кота и назвать его Ученым, как-то не удавалось. Они вырывались, ускользали, закинуть кота на ветку и в дупло не получалось.

Однако, один юный, жаждущий знаний, черно-белый котик, все-таки был водворен в Дупло, и его глаза отражали его ученость.

А нам показалось, что и Александр Сергеевич в

его 21 год, здесь у Дуба вместе с нами. И, несмотря на то, что мы не успели навесить на Дуб золотые цепи, и наш Кот долго не захотел быть Ученым, ему больше подходило быть эстетом-лакомкой, поэтому он быстро оказался снова на земле, где мы продолжали угощать наших спутников.

Но нам слышались и песни, и сказки, и все чудеса, и Леший бродил в Оливковой роще, которая уже разрослась.

А Русалка просматривалась сквозь листву: у нее в поднятых над головой руках был кувшин – прекрасная девушка – скульптура с фонтана «Рахиль».

Вот такие видения скрыты в великолепном парке Гурзуфского санатория, как он теперь называется.

Пушкинские музы

А рядом с Гурзуфским санаторием был парк и Дом Ришелье Пушкинского санатория, в котором навсегда поселился юный Саша Пушкин.

Пушкин так описывал этот дом: «Огромное здание состоит из крылец, переходов с навесом вокруг дома, а внутри – из одной галереи, занимающей всё строение…». Все семейство Раевских любило прогулки по окрестностям Гурзуфа.

Вот я опять в Крыму.
У каждого в кармане по каштану,
Приятному на ощупь живою плотью,
Теплой кривизной.
С Раевскими на пикнике в горах,
С принцессами я царскою тропою

Иду до Колоннады и читаю
Стих из Эллады.
А Пушкин вновь шалит –
Бежать с Марией взапуски затеял.
Июльский дождь их пламень охладил.
Дорогу всю каменьями усеял,
Заставил буйствовать Салгир.
И все вернулись
В Дом-Палаццо Дюка,
Где Николя играет тихо Глюка,
Балладу грустную,
Мечту в прекрасных звуках.
Между колонн встречает всех Елена,
И раньше прочих,
Бонну в мокрых буклях.
Сменить одежду всем захлопотали.
А генерал дает команду –
Выпить грогу!
В зале!

Длительные прогулки заканчивались обычно к вечеру. Семья Раевских и их гости собирались на веранде, время проводили приятно и весело. Пушкин обладал никогда не умирающей потребностью и способностью любить, созерцать любовь и находить в этом счастье и вдохновение. Его лирические стихи, навеянные пребыванием в Гурзуфе, связаны с сестрами Раевскими. Марии посвящены стихотворения «Редеет облаков летучая гряда…», «Не пой, красавица при мне…». Но какие-то из стихотворений относятся и к Екатерине, а с Еленой связывают стихи «Увы, зачем она блистает…» и «Зачем безвременную скуку…». Разве что младшая Софья не попала в адресаты пушкинской лирики.

Пушкинский кипарис

У дома тянулись к небу стройные молодые деревца – кипарисы, одно из них, особо, врезалось в память поэта: «В двух шагах от дома рос молодой кипарис; каждое утро я навещал его и к нему привязался чувством, похожим на дружество». Эти строки Пушкина даровали дереву долгую жизнь и овеяли его легендами. Одна из них – о соловье, прилетающем по ночам к поэту петь свою песнь у кипариса.

Мифологический Кипарис – стройное и красивое дерево. Древнегреческая легенда о превращении юноши Кипариса в дерево вечной скорби и печали за случайное убийство своего друга – любимца оленя. Юноша стал стройным деревом с вершиной-стрелой, уходящей в небо. Пушкин всегда любил мифы и легенды, и они обрели долгую жизнь в его стихах. Как и Саша Пушкин мы навещали Кипарис и дружили с ним. Пушкинский Кипарис, как и Пушкинский Дуб – деревья, уже в летах, но к ним приходит все больше и больше людей и «привязываются чувством, похожим на дружество», как и Саша Пушкин.

Василий Поляков

Белый танец

В свои сорок с небольшим Орехов стал довольно известным писателем. Его произведения охотно печатали маститые журналы, несколько пьес не сходили с афиш многих театров страны, причём о некоторых постановках в уважаемых провинциальных театрах хорошие отзывы печатали даже столичные газеты. Проза Орехова раскупалась в видных книжных магазинах как-то незаметно и быстро.

Когда читатели (чаще, правда, читательницы) настойчиво пытались приобрести такие романы Орехова, как «Меня, наконец, выпустили» и «Я очень соскучился», серию рассказов «Тюльпаны распускаются», «Ирэн», «Пусть дом построит архитектор», продавцы улыбались, извинялись и разводили руками...

– Были, были, но очень быстро разошлись.

– А новый тираж предвидится? – спрашивали наиболее настойчивые.

– К сожалению, не знаем, – отвечали в магазине.

– Хотя мы бы явно не отказались. Владимир Петрович идет хорошо, продается успешно.

Но на какое-то время Орехов примолк. Конечно, в библиотеках на полках его книги стояли, их иногда спрашивали, но чаще его произведениями интересовались пенсионеры, получив рекомендацию от своих детей. Оно и понятно. Большие библиотеки находились в центре города, далеко, а соседние хранилища спальных районов открывались ближе к середине дня и из-за установленного регламента к моменту возвращения основной массы работающих горожан уже закрывались. Почему-то считалось, что в выходные дни (субботы и воскресенья) народ в библиотеки не затянешь, поэтому совершенно официально в эти дни очаги культуры также были закрыты.

Путь Орехова в литературу был непростым. Его отец и мать были «технарями» и только это занятие считали достойным для своего единственного отпрыска. Семья жила недалеко от Курского вокзала, и поэтому весь день и ночь в раскрытые окна были слышны объявления об отправке электричек с перечислением станций назначения, остановок и тех, которые электропоезда проскочат. Так же хорошо в окнах отзывались указания о далёких городах южного, нижегородского и белорусского направлений. По ночам часто были слышны гудки маневровых тепловозов, пыхтение паровозов-овечек и пронзительные свистки сцепщиков, формирующих составы.

Володя учился в одной из лучших городских школ, располагавшейся в Большом Казённом переулке. Он, как правило, переходил из класса в класс с почетными грамотами и подарками за хорошую учёбу. А еще Владимир был одарён талантом художника. Мало того, что он с большим вкусом писал мас-

лом и акварелью, умел соорудить подходящую раму для пейзажа, портрета или оригинального плаката, он ещё с большим старанием, любовью и вкусом оформлял общешкольную стенгазету, делал декорации к школьным вечерам и спектаклям и с едкой сатирической остротой рисовал карикатуры на всякие школьные нелепости, отдельных колоритных школьных учителей и учеников, а особенно удачно на только что появившихся в школе девчонок (в результате упразднения существовавших ранее отдельно мужских и женских школ). Кроме того, Владимир всю жизнь был коллекционером. Он собирал марки, спичечные этикетки, книги по искусству, фотографии актрис и актёров, географические атласы и карты, умные книги на исторические и политические темы и, конечно, все сведения о своей любимой команде мастеров, футболки которых были украшены красиво начертанной буквой «Д».

Володины родители довольно легко убедили сына поступать в МИИТ, а преимущества выбора специальности «электрификация железных дорог» ощущались молодым человеком просто изнутри. Конечно, эта специальность для нашей страны имела особое будущее, поэтому можно было стать хорошим инженером, а при правильном понимании сути специальности, тяги к ней и её секретам затем можно было окунуться в интереснейшие научные исследования по самым разным, даже непредсказуемым направлениям. А тяга к путешествиям, желание побывать в самых разных уголках страны от Мурманска до Феодосии, от Бреста до Владивостока, возможность своими глазами увидеть красоты Урала и Сибири, Кавказа и Крыма, Средней Азии и Алтая, Причерноморья, Каспия, Байкала, Тихоокеанского региона. Тут от одного перечисления красот и своеобразия регионов голова закружится! Ну и, конечно, важным аргументом выступали полагающиеся железнодорожнику документы, позволяющие совершать такие тысячекилометровые передвижения не за счёт собственной стипендии или денег, пожертвованных студенту мамой и папой.

Владимир спокойно и ровно сдал приемные экзамены, набрал необходимую проходную сумму баллов и был зачислен в эту замечательную особую гущу молодежи, которая называется студенчеством. Примерно год Орехов перестраивался из ритма школьной жизни, понимая, что за кажущейся свободой и почти бесконтрольностью учебного процесса институт предъявит достаточно жёсткие требования и к концу семестра и во время сессии. На примере студентов с других факультетов и старшекурсников своего Владимир, как и другие его друзья, уже знал, каким жёстким, твёрдым и решительно карающим лентяев, прогульщиков, неуспевающих мог выступать деканат. Эксцессы другого свойства (неуважение преподавателя и пререкания с ним, хулиганство, сквернословие, драки, нечистоплотность в денежных делах, обман одиноких девчонок) практически всегда заканчивались отчислением из института, а потому случались очень и очень редко и ни одним из студентов не забывались до самого последнего дня учёбы.

И зимнюю, и весеннее-летнюю сессии Орехов выдержал, хотя состояние напряжения ещё преследовало его как почти каждого молодого студента.

А вот настоящая студенческая жизнь закипела со

второго курса.

Тесное общение с группой и курсом быстро выдвинуло Владимира в число интересных, заметных студентов, с которыми было легко общаться, обсуждать новые книги, фильмы и театральные постановки, устраивать остроумные вечеринки, рассказывать весёлые истории и анекдоты про известных людей и даже пробовать создавать капустники и сатирические спектакли про жизнь своего института и московского студенчества в целом. В Москве как-то сразу в этом отношении прославились авиационный, архитектурный, строительный институты, два медицинских, а несколько позже внимание студентов захватил Университет с его прекрасным студенческим театром, хором и вокальной студией, кружком по изучению системы К.С.Станиславского, известной и привлекательной студией скульптуры и живописи.

Замыслы и идеи требовали общения, обсуждения, споров, объединения усилий, раскованного и свободного перемещения молодежи из технической среды в творческую и наоборот. К тому же «технари» и «естественники» по особенностям обучения в своих вузах и быстро приобретаемому настоящему жизненному опыту зачастую явно опережали творческую элиту Литературного института, факультета журналистики Университета, многих школ-студий при известных театрах. Именно в то время родилось противопоставление «физиков» и «лириков», и первые относились ко вторым несколько свысока, с юмором. Так углублённый большим опытом старший брат позволяет себе слегка высмеивать младшего, вспоминая точно такие свои поступки и ошибки (только на несколько лет ранее).

Владимира захватила эта бурная жизнь и как-то незаметно она стала ему дорога и серьёзна. Почти незаметно для себя он перестал вести дневник и попробовал писать рассказы. И надо же было случиться такому, что первые рассказы Орехова не забраковали и не отвергли. Какая же это невысказанная радость для молодого автора! Рассказать об этом трудно. Это надо пережить самому.

А далее события развивались ещё более стремительно. Орехова познакомили с одним из студентов старшего курса Литературного института, который вышел в жизнь из сельской сибирской глубинки, служил танкистом в Белоруссии, затем работал на строительстве одной из крупных гидроэлектростанций, потом пошёл по комсомольской линии, начал писать в местную газету заметки, статьи, очерки, рассказы и в конце концов добился направления на учёбу в Литературный институт в Москву. Именно с этим человеком в горячих спорах, иногда полной идеологической непримиримости, в обсуждении мельчайших фактов, выраставших в судьбу, Орехову удалось стать полноценным соавтором двух пьес, которых поставили, заметили и которые пошли по периферийным театрам России, приковывая внимание чуткого, заинтересованного зрителя. Так в свои неполные двадцать два года Орехов стал известным литератором и уже ни о какой другой профессии всерьёз и не помышлял.

Но это был еще только первый шок, который предстояло пережить родителям.

Сказать по правде, Владимир Петрович не был обделён вниманием девушек и женщин. Но всё это ограничивалось домашними вечеринками с коллега-

ми, праздничными встречами с бывшими школьными друзьями, поездками на несколько дней на дачу или на рыбалку. Серьёзный роман у него случился только с одной очень красивой женщиной, которая вела в его группе английский язык. Она сама задержала его после экзамена и вручила не заклеенный конверт с письмом, в котором признавалась ему в любви. Муж её был в долгосрочной командировке, а женщина, не имея детей, близких родственников, закадычных подруг истосковалась одна в трёхкомнатной квартире без заботы, внимания и ласки зрелого мужчины, к которому ей тоже хотелось проявлять заботу, но ждать в ответ пылкого и страстного продолжения в ситуации «с глазу на глаз».

А потом с Владимиром случилось вот что. На просмотре одной из премьер, Орехова, уже известного в театральной среде драматурга, познакомили с девятнадцатилетней талантливой и перспективной студенткой школы-студии одного из главных театров страны. Мало того, что её уже ввели во второй состав двух лучших спектаклей этого театра, где на сцене она на равных общалась с самыми лучшими актёрами, которых из уважения к таланту, опыту и беспроигрышному успеху ласково называли «стариками», так ещё стало известно, что её пригласили сниматься в главной роли в фильме, что по этическим установкам этого театра было просто беспрецедентным.

Владимир без промаха и осечки оказался в то самое время и в том самом месте, когда решался вопрос, куда после премьеры едет Галина

– Домой, только домой, – устало заверещала она, когда Владимир картинно открыл перед нею заднюю дверцу такси.

– Вам куда? – любезно осведомился таксист.

– На Дербеневскую улицу, – несколько расстроенно сказала Галина

– А это где? – в полном неведении поинтересовался шофер.

– Я покажу, – тоном знатока ответил Владимир. – Я знаю этот район.

Через две недели Владимир и Галина – поженились.

Нужно быть честным и правдивым. Галина была чудо как хороша! У неё были завораживающие волнистые развевающиеся волосы золотистого оттенка, внимательные оригинального разреза большие серо-голубые глаза, крутого разлёта темно-серые брови, длинные с красивым изгибом густые ресницы, изысканно прямой нос с маленькой горбинкой, с красивым очертанием губ аккуратный рот и прелестные ямочки на щеках, когда она озорно улыбалась и безуспешно пыталась спрятать плясавшие в глазах чёртики. Когда же она задумывалась, то принимала такой глубокий, проникновенный вид! Любой фотохудожник при одном взгляде на неё сразу же улавливал её природную естественность и фотогеничность.

А какая у неё была лёгкая грациозная походка, как щедро природа одарила её всеми изысками фигуры и подлинной женской привлекательности. Она была настолько красиво сложена, что её молодые подруги по студии, а потом и по совместной работе в кинофильмах наперебой стремились составить ей компанию для похода в баню. Как они признавались позже, такой красивой обнаженной женщины, как

Галя, они ни в студенческое время, ни потом просто не видели никогда!

Этот шок родители Орехова переживали глубже и дольше. Во-первых, сына увела из дома зрелая состоявшаяся женщина, которая вряд ли потерпит влияние матери, отца, сложившихся семейных традиций. Во-вторых, что для неё инженер-железнодорожник? Дипломированный кочегар, сцепщик, стрелочник? В-третьих, она вообще может с презрением выбросить из жизни Владимира курсы учёбы, отданные МИИТу? В-четвертых, жизнь драматурга и даже писателя никогда не кормила в России человека и его семью досыта. И, наконец, актриса в роли жены писателя. Кого из них можно вспомнить, как человека, прожившего счастливую жизнь? Чехова, Горького, Есенина, Симонова?

Такие мысли бередили душу Ореховым-старшим. а в это же время Владимир Петрович чувствовал себя таким счастливым, таким состоявшимся, таким способным писать, делать, работать.

Постепенно жизнь молодой семьи налаживалась. Галина успешно продвигалась в своей профессии на театральной сцене. Брак с Ореховым упростил и сделал совсем естественным её довольно быстрое проникновение в элитную тусовку известных режиссёров, драматургов, кинозвёзд, киноведов, сценаристов, музыкантов, журналистов самых известных газет, журналов и телевидения.

Постепенно жизнь складывалась так, что требовала от Орехова каждодневной, порой изнурительной многочасовой работы за письменным столом. В тишине, в одиночестве. А Галина шла своим путём: изучение новых пьес и сценариев, выучивание наизусть огромных кусков самых разных текстов, репетиции, общение с режиссёрами и коллегами, спектакли по вечерам, съёмки на киностудиях. Иногда ей приходилось уезжать из дома в киноэкспедиции даже на несколько месяцев.

Честно говоря, Орехов порядком измотался. А тут подвернулась возможность помочь быстро закончить сценарий по военной тематике одному известному хорошему режиссёру. А когда этот скромный деликатный, но влиятельный человек предложил Орехову еще поехать поработать в один из лучших подмосковных военных санаториев, Владимир и Галина решили, что от таких условий не отказываются.

Орехов приехал в санаторий скромно, почти незаметно. Его заселили в небольшую отдельно стоящую бревенчатую дачку, которая удивительно напоминала избушку на курьих ножках. Самое главное, что в ней было тихо, а на письменном столе – всё, что нужно писателю для работы. Принимать пищу Владимир Петрович ходил в общий зал главного корпуса, где по его просьбе его посадили за отдельный стол, замаскированный дальней широкой колонной. Времени на никчёмные знакомства и пустую отвлекающую болтовню не было ни минуты.

Как распространяются новости среди малознакомых людей, до сих пор остается загадкой, но через несколько дней жёны отдыхавших военнослужащих уже обсуждали, что в их смене появился писатель, известный драматург, что в библиотеке санатория есть его произведения, а главной изюминкой является недавно изданный двухтомник с очень удачными портретами автора.

Три недели пролетели незаметно, но Орехов вы-

полнил поставленную себе задачу. А за день до отъезда санаторий по давно установленной традиции устраивал прощальный вечер отдыха, развлечений и танцев. Удивительно, но среди отдыхающих неожиданно оказались остроумный конферансье-пародист, удивительный самодеятельный драматический тенор, художественно тонкая исполнительница коротких рассказов и лирических стихов, баянистка, танцовщица и обаятельная озорница в исполнении остроумных и озорных частушек, и, конечно, филигранно красивый семейный цирковой гимнастический дуэт с блистательным финалом женщины изысканной красоты. Такому талантливому составу могли позавидовать даже профессионалы.

А потом были объявлены танцы, что мгновенно вовлекло всех отдыхающих в состояние непередаваемого веселья, озорства и кокетства. Орехов сидел за колонной, и ему тоже захотелось вспомнить молодость, студенчество и от души потанцевать.

И вдруг ведущая вечера громко, на весь зал объявила: «Белый танец!» Последовала маленькая заминка, и вдруг за одним из столов встала красивая стройная брюнетка, резко отодвинула стул и изящной грациозной походкой направилась прямо в сторону Орехова.

– Разрешите? – сказала она ему настойчиво, уверенно и даже несколько с вызовом.

– С большим удовольствием. Почту за честь.

Через минуту Орехов уже танцевал с брюнеткой, и эта пара тотчас же приковала внимание всего зала.

В конце вечера Владимир Петрович прямо взглянул в глаза брюнетки и с чувством произнёс: «У Вас такое красивое лицо, что им хочется любоваться по-

стоянно».

– А если бы Вы знали какое тело, – как бы невзначай призналась брюнетка и слегка потянула писателя за собой.

Но тут Орехова по какому-то пустяку отвлекла ведущая вечера. Пока он обменивался любезностями, брюнетка исчезла так загадочно и незаметно, будто растворилась.

На следующий день, перед обедом, вручали призы. Любезные хозяева постарались не обидеть никого.

Владимиру Петровичу за танцы вручили первый приз. Орехов решил, что это была какая-то хорошо запакованная картина, поэтому он повез её домой, не вскрывая и не разворачивая.

И только дома, поздно вечером, когда Галина вернулась с вечерней съёмки, Владимир похвастался выигранным призом.

А призом оказалась большая черно-белая фотография в раме. Красивая обнаженная брюнетка, стоя под деревом, держала в руках раскрытый томик рассказов Орехова, вопросительно и настойчиво глядя прямо ему в глаза. Нет, не в глаза, а прямо в душу.

На обратной стороне фотографии женская рука вывела: «Я пред тобою без слов». А еще ниже, почти незаметно стояли две цифры.

И только много времени спустя Орехов разгадал, что цифры совпадали со страницами напечатанных им рассказов. Один назывался «Чем покорил ты меня?». А много страниц спустя (по совпадению со второй цифрой) стояло название другого: «Почему нас разлучили?»

Галина не поняла Володю и не простила такого

откровения чужой женщины.

Несмотря на то, что никакой измены, никакого предательства не было, Галина подала на развод. Их развели. На всю жизнь…

Лунная дорожка

Александров раздвинул кусты и вышел на тропинку, спускавшуюся прямо к озеру. Почти чёрное летнее небо украшали рассыпавшиеся бриллианты звёзд. Матовым жёлтым кругом медленно плыла вверх луна.

Спустившись к воде, Валентин залюбовался роскошной гладью озера и сверкавшим перед глазами и далеко вытянутым к противоположному берегу треугольником лунной дорожки. Зачерпнув ладонью прохладной воды, мужчина с удовольствием ополоснул ею лицо и руки. Распрямившись у края воды, он долго стоял и всматривался в до мелочей родной ему пейзаж. Уже решив, что обязательно искупается, как в детстве, совсем голым, и, расстёгивая рубашку, Александров перевёл взгляд влево и на выступающей в озеро крутой части этого берега увидел скамейку и чёткий силуэт женщины в летней шляпке с широкими полями.

Постояв и поразмыслив, Александров зашагал

в сторону незнакомки. Женщина сидела всё так же прямо и смотрела в сторону озера. Обогнув скамейку, Александров остановился рядом с нею и слегка кашлянул. Незнакомка повернулась в его сторону, но не испугалась.

– Доброй ночи, – мягко и вежливо произнёс Валентин. – Простите, я не помешал вам, не испугал?

– Что вы, что вы, – рассмеялась женщина. – Я уже в жизни ничего не боюсь…

– Меня зовут Валентин Петрович, – представился Александров. – Я москвич.

– Присаживайтесь, пожалуйста. Что же вы стоите?

Александров осторожно присел на скамейку.

– А как обращаться к вам?

– Дети зовут меня Вера Павловна, но можно просто Вера. Я ленинградка. Преподаю детям русский язык и литературу и ещё аккомпанирую детскому хору на пианино.

– Тогда и меня называйте просто Валентином. Валей. Моя профессия связана со строительством. Я архитектор. А вы давно преподаёте?

– Больше десяти лет.

– А кто подвиг вас к такой интересной и трудной работе? Наверное, родители?

– Нет, я из очень простой трудовой семьи. Отец работал слесарем в электромеханическом цехе, но рано умер… прямо на работе… из-за сердца. Мама всю жизнь водила трамвай.

…После смерти отца трудно ей пришлось…

…На филологический факультет университета меня благословила моя школьная учительница. Как-

то в очень доверительной беседе со мной она сказала, что я изнутри чувствую русскую речь, сочинения грамотно пишу, имею вкус к хорошей беллетристике классиков и по-настоящему красивым и умным стихам…

– А после университета?

– Захотелось мне маме помочь… И поехала я преподавать в сельской школе. Быстро сдружилась с учительницей из Украины -- весёлой кареглазой Оксаной. Она математику и физику детям преподаёт. Других друзей у меня не было…

Я всё больше подготовкой к урокам занималась, проверкой тетрадей, маме письма писала, регулярно записывала события дня в свой личный дневник. А Оксана девушка красивая, бойкая. Узнала, что от нас недалеко стоит военная часть, что там есть клуб, показывают кино, устраивают вечера, танцы, есть много холостых мужчин. Спортивных. Что называется, военная косточка. Там она быстро кавалера завела среди офицеров…

А я всё сижу под настольной лампой за письменным столом. Занимаюсь, проверяю, пишу, читаю. Вот она и взялась за меня. Вытащила как-то на танцы, познакомила со своим кавалером… Потом по секрету рассказала, что они уже интимно близки… и планируют скоро свадьбу сыграть…

Через несколько вечеров Оксанин высокий чернявый (почти цыган) притащил знакомить со мной своего друга, тоже старшего лейтенанта. Но тот был ростом значительно ниже… круглолицый курносый… такой плотный блондин-боровичок…

…В конце концов, мы тоже поженились. Свадьбы играли в один день: и Оксана со своим Матвеем, и я со своим Валерием…

Александрову стало интересно, что совсем незнакомая молодая женщина разговорилась и так доверительно рассказывает ему о себе. Он внимательно слушал, не перебивая.

– Очень скоро, – продолжила свою исповедь Вера, – нам крупно повезло. Из нашего городка направили на повышение в другую часть двух офицеров с семьями. Освободились две квартиры. Их предоставили нам. Стали мы ещё теснее дружить. С другими офицерскими семьями сошлись ближе. Мужья наши весь день на работе, а иногда и на суточном дежурстве. А у нас такой дружный коллектив жён организовался. Учим друг друга секретам домоводства, вязания, вышивания, шитья. Печём пироги, изготовляем торты, закручиваем банки с огурцами, помидорами, кабачками, грибами, варим варенье из земляники, черники, малины. Перед праздниками шьём себе новые наряды и обязательно до показа мужчинам обсуждаем их в своём придирчиво требовательном женском коллективе.

Как и всех женщин, нас интересовали и деликатные вопросы, но обсуждать их откровенно было не принято, как-то стыдно… Поделимся секретами пудры, кремов, лекарств – и точка. Но с некоторых пор и в нашей стране разговорились широко об интимных отношениях женщин с мужчинами. Появилась литература. И вот как-то в одной книжечке встретила я непонятное слово. Что такое «организм», сформулировать могу, А другое слово мне не знакомо. Я возьми и спроси его толкование у Оксаны. А она вместо того, чтобы объяснить, подняла меня на смех. Но потом, конечно, объяснила. И стала она

моей просветительницей и советчицей по всем таким вопросам.

Вот тогда я впервые очень крепко и призадумалась…

Я поняла, что ни разу в своей семейной жизни не довелось мне испытать такого яркого чувства, что означает это слово.

И ещё один вопрос. Первый год, чтобы обжиться, крепко стать на ноги, я просила своего Валерия поберечь меня. И он всегда был внимательным и ни разу не подставил меня под прерывание… А со следующего года мне очень захотелось ребёнка. Я призналась в этом мужу. Он очень обрадовался. И с этого времени мы позволили себе вольную вольность…

Он, бывало, заснёт. А я всё думаю, думаю, когда же мой организм испытает и воспроизведёт то, что я в книжке прочла?

А ещё с надеждой месяцами жду, когда же, наконец, у меня не придут критические дни? Время идёт, а у меня всё по-старому…

Поделилась с мужем. А он говорит: «Не волнуйся, моя деликатная. Женщины более загадочно устроены. Думаю, у вас всё более тонко, индивидуально. Ты мне нравишься такой, какая ты есть».

Я его спросила: «Может быть, у тебя что-то не так?» Он в ответ смеётся: «Ты каждую ночь удовольствие получаешь. К тому же у нас в армии за здоровьем офицеров следят, каждый год проверяют».

Ну, как говорится, поговорили и забыли. «Ладно, – думаю, – восхитительного финала при близости женщины с мужчиной не все достигают». Это мне так Оксана объяснила. «Но почему же я никак от своего Валерия не понесу?»

…Прошло время, и как-то летом наших мужей-офицеров отправляют на многомесячные полевые учения. Первое время мы скучали. А потом пошли ягоды, грибы… Мы стали частенько в лес ходить, познакомились с несколькими семьями в соседних деревнях.

Как-то я засиделась за разговорами в гостях в одной деревеньке у подружки, но ни вина, ни самогона мы не выпивали, только чаёвничали со сладкими пирогами. А до нашей военной части нужно идти лесом километра полтора-два. Попрощалась я с хозяйкой, знаю, что дома меня никто не ждёт, и пошла себе спокойная-преспокойная. А ночь не очень светлая. Небо всё в тучах, но без дождя. Иду я, иду, – сворачивает тропинка направо. И вдруг из кустов прямо передо мной, как из-под земли, вырос высокий белокурый мужчина, похожий на героев русских сказок и былин, – таких, каких играли Столяров, Андреев, Видов. Мы буквально на мгновение пересеклись взглядами, а он мне будто в душу заглянул. И когда он меня обнял и поцеловал, я потеряла контроль над собой, готовая на всё, что он захочет. Более того, мне захотелось, чтобы он желал всего-всего, и я бы смогла в ответ раскрыть свои объятия, своё тело, свою душу…

…Вот тогда-то я впервые узнала и прочувствовала неземную сладость, восторг и полёт. Три раза подряд. Хотите – верьте, хотите – нет.

…Полностью обессилев, мужчина откинулся рядом на траву, и, почти засыпая, прошелестел губами: «Дорогу найдёшь?»

– Да, – в беззвучном восторге выдохнула я.

– Завтра придёшь?

– Приду, – шепнула я, понимая, что это признание сорвалось с моих губ случайно, без воли, но с полным предвкушением снова предстоящего восторга…

…Пока мужа не было, мы встречались с моим восхитительным почти каждый день. Там же… В лесу…

И до приезда мужа я осознала, что не приходят мои критические дни. Тут-то мне и открылось: значит, дело не во мне.

Но надо было действовать срочно. Я позвонила маме и сказала, что очень соскучилась, хочу в ближайшие дни приехать.

Время шло, а я никак не могла убедить маму вызвать меня к себе. И только за несколько дней до возвращения офицеров (дату я узнала от Оксаны) мне удалось выехать к ней. Я, конечно, ничем не поделилась с мамой. Через студенческих подруг нашла врача и, понимая, что промедление опасно, может разрушить семью, пошла на прерывание зародившейся во мне жизни…

До сих пор молчавший и внимательно слушавший Веру Павловну Валентин вдруг сглотнул подступивший к горлу комок и умоляющим голосом попросил: «Можно я покурю?».

– Курите, конечно. Пожалуйста. Только не пускайте дым в мою сторону.

Валентин Петрович курил и очень по-доброму сочувствовал женщине, перенесшей столько драм в своей ещё молодой жизни.

– Вера, сколько вам лет? – неожиданно для себя спросил Валентин.

– Тридцать пять. Я не скрываю свой возраст.

– А что было дальше?

– А дальше… После операции доктор сказал мне, что у меня уже никогда… никогда не будет детей…

– Вы развелись с мужем? – также неожиданно для себя задал вопрос Александров.

– Нет, конечно. Он же ничего не знает…

– А дети?

– По-моему, он смирился, что у нас не будет детей, хотя мы ни разу не возвращались к этой теме.

– А как вы отдыхаете?

– Знаете, – как-то раздумчиво сказала Вера Павловна, – с некоторых пор я предпочитаю отдыхать одна. Валерий почувствовал, что мне, как сильно устающему от общения с людьми педагогу, это нужно.

Они ещё долго сидели вместе на скамейке, смотрели на озеро и такую красивую лунную дорожку и молчали…

– А можно я искупнусь? – вдруг спросил Валентин. – Я знаю это озеро с детства и привык купаться в нём ночью, при безлюдье, как новорождённый. Это летнее удовольствие ни с чем не сравнить.

– Купайтесь, – очень просто ответила Вера.

– Я вот там, справа, за кустами, – извиняющимся тоном произнёс Валентин.

– Как хотите.

Валентин сорвался со скамейки, в несколько прыжков добежал до кустов и скрылся за ними. Сняв с себя всю одежду, он разбежался, нырнул и мгновенно ушёл под воду. Ещё в школьные годы это был его коронный номер. Он мог пробыть под водой больше полутора минут.

Когда Валентин вынырнул у берега, он увидел над водой голову женщины с длинными мокрыми волосами. Валентин бесшумно подплыл сзади и обнял женщину, неожиданно ощутив в воде, что и она «ню». Властным движением Валентин развернул Веру и прильнул к её губам. Задохнувшись и откинув голову назад, Вера с шумом глотнула воздух, обвила его шею руками, а поясницу своими стройными мягкими бёдрами и сама прильнула к его губам. Они долго целовались, не разжимая объятий, а потом ласкались, скользя мокрыми телами друг о друга.

Наконец, они взялись за руки, как это делают дети в детском саду или в первых классах школы, добрели в воде до берега и упали на песок.

А над ними на скамейке аккуратной стопочкой лежали нехитрые вещи Веры Павловны, прикрытые её широкополой белой шляпой. В спины им светила всё та же длинная, вытянутая треугольником лунная дорожка.

Мария Скавронская

* * *

Ветер теплый, ветер резкий,
Сине-золотой.
Зашумели перелески
Молодой листвой.

Травы вьются под ногами –
Зорька их сплела.
В перелесок за стихами
Я опять пришла.

По листве играют блестки –
Солнышка посев.
Ты навей, навей, березка,
Мне родной напев.

* * *

Найди, мудрец, такое средство,
Чтоб нашу молодость вернуть,
Вернуть бы золотое детство,
Восстановить бы жизни путь.
Мудрец ответил, не шутя:
«Имей, мой друг, свое дитя».

* * *

В канаве растут незабудки,
Ну что им полуденный зной?
Они ведь по самую грудку
Залиты водой дождевой.

И в каждом отдельном цветочке
Высь неба, вода, бирюза.
Я рада тому, что у дочки
Таково же цвета глаза.

А в ласковом взгляде у сына
Сплетается густо трава,
Смеется беспечно рябина,
Волнуется тихо листва.

* * *

Я приглашаю, приходите
И припадайте к роднику,
Лишь незабудки не топчите
На мягком влажном берегу.

А если кто пришел напиться
И старый ил черпнуть со дна.
То все равно ведь отстоится
Живая, чистая вода.

Ты забежишь лишь на минутку,
С веселой ласкою в словах.
И все лесные незабудки
В твоих останутся глазах.

* * *

День поднялся сегодня в оранжевом свете –
Это солнце тебе посылает привет.
А июль – это месяц больших разноцветий,
Соберу для тебя я июльский букет.

Сколько крупных ромашек – гадай на желанье.
Васильки, словно ленты вплетаются в рожь.
А ночные фиалки, поверь уж преданью,
Коль увидишь, то мимо любви не пройдешь.

Посмотри, как на небе играют зарницы,
В эти летние ночи не хочется спать.
Твои волосы цвета созревшей пшеницы
Будет ласковый ветер тихонько трепать.

Выйду я на крыльцо, сад прохладою дышит.
Знаю, с миром иным не разорвана нить.
Верю, Бог в этот час меня видит и слышит.
За тебя и за всех его буду просить.

* * *

Хорошо. Не жарко.
Дождь ушел вперед.
Во все небо арка –
Радуга цветет.

В ней заря и нива,
Речка, небеса,
Земляника, слива,
Поле и леса.

* * *

Я проснулась на рассвете
И в саду пошла гулять.
Потому что хитрый ветер
Не давал сегодня спать.

Он в окно ко мне стучался,
С липой танго танцевал.
Веселился и смеялся
И березку целовал.

На пороге оказался
Полевых цветов букет.
И откуда только взялся
Этот радостный привет.

Ветер долго веселился.
Ничего мне не сказал.
Мне, конечно, сон приснился,
Что букет ты мне прислал.

* * *

Красна изба узорами –
Высокое крылечко,
Неспешным разговором,
Да изразцовой печкой.

А печка жаром дышит,
Синеется окно.
Избу до самой крыши
Всю снегом замело.

Котенок с теплой лаской
Мне на колени лег.
И ходит тихо сказка
С угла на уголок.

* * *

Кузнечики на скрипочках
Трещат на все лады.
Встал огонь на цыпочки
У стальной воды.

Ива в воду клонится,
Берег как ступень.
По ветвям хоронится
Старой сказки тень.

Ветер стих, как сломанный,
Вниз упал костер.
Месяц, медью кованный,
В речку бросил взор.

У костра и месяца
Одинаков цвет…
За стогами светится
Голубой рассвет.

* * *

Ласковыми первыми лучами,
Цапель оторвав от снов крылатых.
Солнце, шелестя над камышами,
Медленно вставало над раскатом.

А из глубины навстречу свету
Тихо раскрываются оконца –
Словно брызги нежного рассвета
Лотосы проснулись, дети солнца.

И не надо с хитрым Одиссеем
В плаванье далекое пускаться,
Вот они, стою, дохнуть не смею,
Не могу никак налюбоваться.

И, вдыхая сладостно-медвяный,
Терпкий запах, словно запах браги,
Очарованной я становлюсь и пьяной,
Словно у Гомера лотофаги.

* * *

Рут и Дитрих с тихой Шпреи*,
С Эльбы* Макс и Доротея
Едут, поклоняясь моде,
В брак вступить в Вернигороде**.

В ратушу из разных мест
Женихи везут невест
К храму бракосочетаний
И, как говорит преданье,

Здесь, в краю средневековья,
Околдованном любовью,
Можно броккенскую*** ведьму
С волосами цвета меди

Встретить на метле верхом.
К замку нам идти пешком
Трудно. Лучше ехать в гору
С помощью фуникулера.

Воздух тут прозрачный, чистый.
Восхищенные туристы
Наслаждаются прохладой
У шумящих водопадов.

Вдаль бежит веселой змейкой
Через Гарц**** узкоколейка
Мимо пихт, покрывших склоны,
Нежно солнцем золоченых.

Красотой ласкают взоры
Серебристые озера.
И вздымается высокий
И величественный Броккен.

Поезд в шесть, пора прощаться
С полюбившимся нам Гарцем,
Где витает в дымке синей
Призрак ведьмы на вершине.

___ ___ ___

**Шпрее, Эльба – реки в Германии*
*** Вернигород – город в Германии*
****Броккен – самая высокая вершина Гарца*
*****Гарц – горы в Северной Германии*

* * *

Словно мячики в ладони
Я пойду ловить туманы.
Как стреноженные кони,
Они бродят по полянам.

Закатилися в низину,
Расцветилися зарею.
Соберу я их в корзину,
Принесу домой с собою.

И про то болтать не стану
Никому я в целом мире,
Что осенние туманы
Поселилися в квартире.

* * *

С веток полуголых
Лист опавший мчится.
А мороз веселый
Вышел в рукавицах.

Молодой, удалый,
В голубом наряде
Ходит зорькой алой
На рябину глядя.

Забежит в низину,
Где трещат сороки,
Целовать рябину
В кумачовы щеки.

И от поцелуев
Она станет слаще.
И стоит, ликуя,
В опустевшей чаще.

* * *

Посмотри, как разлился закат на снегу,
И одна я бреду в этом розовом море.
Я тебе принесу, я тебе сберегу
Этот сказочный лес, этот свет, это поле.

Тишина и покой, только лыжи скрипят,
Да в соседнем лесу раззвенелись синицы.
И румянит лицо мне мороз и закат,
И причудливый иней засыпал ресницы.

Мир сверкал и кружился от быстрой езды.
Ветер мчался, пытаясь догнать, и сердился.
Вдруг на миг замерла я – от первой звезды
У меня на глазах новый месяц родился.

* * *

Тебе в лицо пахнет дыханье моря,
Смолистый запах чуть потянет с гор.
А перед взором в голубом просторе
Восходит солнце с мыса Ай -Тодор.

А море ждет давно тепла и ласки,
Навстречу солнцу поднимая грудь.
Разлились нежно-розовые краски
И в темно-синих начали тонуть.

И все кругом вдруг стало золотое.
И в золото оделся Ай-Тодор.
Лишь белый парус в слишком синем море
И запах хвои, чуть заметный с гор.

* * *

Привет, капитан, твоя фляга полна ли?
Так выпьем еще и пойдем по волнам.
Ведь мы в этой жизни еще не устали,
Еще все ветра покоряются нам.

Возьми ты штурвал в свои крепкие руки,
В открытое море с тобой поплывем.
И пусть нам простят наши дети и внуки,
А мы лебединую песню споем.

А ветер несет непокой и прохладу,
И чайки кружат и кружат в небесах.
Но мне ничего больше в жизни не надо –
Корабль мой на алых идет парусах.

Татьяна Скорикова

Мне пригрезился сон…

Мне пригрезился сон – удивительно странный:
как я шла по горе, а потом к небесам...
Вышел кто-то седой, соткан плотью тумана,
и повёл меня ввысь
по зелёным лесам.

Шли мы молча, почти не касаясь верхушек,
утро красило даль голубеющих гор.
Лес внизу становился всё глуше и глуше,
розовела вода
ледниковых озер.

Все дела я оставила там, у подножья:
суету, толкотню и метанья души,
чтобы мир, на земные миры не похожий,
разглядеть
в первозданности горной глуши.

Спутник мой начал таять в лучах многоликих,
обратив на меня опечаленный взор,
растворяясь, как дымка, в мерцающих бликах
на ладони
бездонно-прекрасных озер.

Я шагнула к хребту, становясь невесомой,
и прозрачной, как утро, скользящее ввысь,
дуновением лёгкого ветра несома
в то пространство,
в котором спрессована жизнь

не рожденных, но будущих светлых мелодий,
не разбуженных ритмов, не сказанных слов,
чтобы, вторя с ручьем пробужденью в природе,
воплотиться
в один из её голосов....

Куда мы скачем?

Куда мы скачем? В лунном свисте
звенит в поводьях тишина,
и кареокая луна
в глазах степного скакуна
на нас в ночи взирает с выси...

Куда мы скачем день-деньской,
плен городов превозмогая?
Туда, где плещется нагая
Марго, соцветьем брызг сверкая
над первозданною водой?

Куда мы скачем? Золотясь,
на гриву оседают звёзды,
твердеет в лунной крошке воздух...
Созвездий виноградных гроздья
вкусить сегодня можем всласть!

Куда мы скачем? Вороной
гарцует, высекая искры,
Москва-река впаденье в Истру
венчает рябью серебристой
под одинокою сосной...

Куда мы скачем? Острова
своей загадочностью манят...
Летим! Уж скоро солнце встанет,
и в розовеющем тумане
плоть утра обретут слова...

* * *

Давай слетаем в изумрудные края
в обнимку с ветром, солнцем и дождём.
Мы будем там, как исстари, вдвоём,
лишь лоскуток повиснет в небесах – земля...

Мы уместим её в ладони... С высоты
крылом коснёмся гор и океана
солёное пространство.... Первозданно
мы пролетим над ним, как птицы – я и ты.

И дух саванн, и прерий, и пустынь,
блеск волн и откровение прибоя
мы не во сне, а наяву – с собою
подхватим с необъятной высоты...

Подкова

Закат Дуная воды плавит,
а на горе старинный Град
хранит веками в Братиславе
истории заветный клад.
Здесь, ближе к парку городскому
в траве, меж сосен, на камнях,
нашла я знак судьбы – подкову,
не превратившуюся в прах.
Она легла в мои ладони,
безмолвная, тая обет
молчать о битвах и погоне
не много-мало – сотни лет.
О рыцарских походах, бунтах,
о стонах, лязганье мечей,
в свой полукруг вместив как будто
и чарок звон, и треск свечей.
И пышность зал, и тронность речи,
и запах яств, и блеск зеркал,
и стук копыт, и свист картечи
хранил в себе её овал.

В нём подземелий перестуки
и ржанье резвых скакунов…
Столетий ход все эти звуки
впечатал в звон лихих подков...
Я замирала от предчувствий,
и ощущала груз веков
в своей подкове, как искусство,
как прошлого неслышный зов...
Он вмиг в моей строке очнулся.
Подкова задышала... Вдруг
луч, как копьё, с небес метнулся
в её оживший полукруг…

Монастырь в горах

Взгляни, на седом перевале,
при бурном слиянии рек
стоит монастырь. И едва ли
дойдёт до него человек.

И вряд ли безумная птица,
стремя свой полет между скал,
подняться и опуститься
осмелится, храм разыскав,

где острою звёздною крошкой
усыпаны стены времён
и движется лунной дорожкой
тяжёлый размеренный звон.

Сон тихий смежит мне ресницы…
В нём зрю: при лампадке в окне,
там старец листает страницы,
всё зная о завтрашнем дне.

Как пряди седые, струятся
потоки – с отвесных скал.
Ущелье – морщины старца,
а горб его – перевал.

Над монастырской твердыней
месяц запечатлел
лик его, что и поныне
светел, как старец, и бел.

Прохлада

Люблю, когда спускается прохлада
с соседних гор небесных – наяву
она касается лица, и в омут взгляда
вливаясь струйкой, прячется в листву.

Она дрожит, как синий тонкий отзвук,
враждебный шуму улиц и машин,
так беззащитно перед городом, чей полог
её в себе едва не задушил.

В её прозрачных стрекозиных крыльях,
тревожно вскинутых над бытом городским,
есть хрупкость чувств, и робость, и бессилье,
и аромат лугов, неуловим.

И, может быть, однажды утром рано
в окне своём её заметишь ты –
в росистой влаге образ из тумана,
хранящий тени зыбкие черты..

И вырваться из плена городского,
из мелких дел и прочей суеты
душа потянется, и Слово, что искомо,
произнесёшь, как бы очнувшись, ты.

Исчезнут стены, и простор нахлынет,
как только ты коснешься горных троп.
Прохлада!... Удивительное имя
ладонью трепетною твой овеет лоб...

Двойник

Я замышляла лишь одно,
что синева невольно брызнет
с небес и гор... О сколько жизни
вместит тогда мое окно!
Как с неприступных горных скал,
где след теряется на круче,
сойдет двойник, который лучше
быть может, той, что ты искал.

Она ладонью обведёт
квадрат окна и образ милый,
и вспомнит то, что я забыла
в сумятице дневных забот.
Откроет томик на столе
и прочитает вдохновенно
всё, что рождалось во Вселенной
и что творится на Земле.

И расшифрует письмена,
начертанные мной когда-то
в тетрадной плоскости квадрата,
в проёме старого окна...
Она невидимо пройдёт
сквозь призму наших долгих странствий
и вмиг окажется в пространстве,
где нашей встрече был черёд.

И, стоя в синем серебре
нераспустившихся акаций,
не станет лучшею казаться,
чем это было в декабре.

В проём открытого окна
она проникнет на мгновенье
и станет нашим сновиденьем,
когда господствует ... Луна...

В поле вечности

Я над будущим тайно колдую,
Если вечер совсем голубой,
И предчувствую встречу вторую,
Неизбежную встречу с тобой.
А. Ахматова

В поле вечности редки встречи,
но я встретила вас – и тогда
в час погожий мы сели под вечер
под сиренью, в саду, у пруда.
В нём, светясь, отраженье скользило
серебристо-багряных небес,
и мгновение вечностью длилось,
уплывая стихами за лес.
И светился ваш профиль, как небыль,
и таилась в нём тихо печаль...
Лунный свет, словно призрачный стебель,
Вам на плечи набросил вуаль.

Вы припомнили, как приходили
в сад вечерний – в былые года,
как любили и юными были,
как сирень зацветала тогда.
Вы припомнили всё – но внезапно

в бело-розовом майском саду
прошептали: «Пора мне. До завтра...
Я луной обернусь – и приду...».

Страннику

Спрошу у ветра: кто ты? А мне ответит дождь,
прощальной песни нотой рождая в пальцах дрожь…
Ответит мне с пустыни горячий суховей
пожарами лесными в мозгу, в сердцах людей.
Но и в огне твой профиль легко мне различать.
Присядь к костру – я кофе налью тебе опять.
Мой вечный странник, долго ты будоражил свет,
с тобой шумела Волга, твой на Урале след...

Кружил ты горной тропкой в расщелине небес,
меня вёл гатью топкой сквозь непролазный лес.
От пирамид Каира, от древних медресе
ты брёл до крыши мира в пыли, в поту, в песке.
От пиков на Памире и вечной мерзлоты
до Шведагона в Бирме дошел со мною ты.
Расслабься же немного у моего костра,
ведь завтра в путь-дорогу сорвёшься ты с утра…
И, видится, в Тибете, из монастырских врат
сверкнув, насквозь просветит меня горящий взгляд...

Наталья Сорокина

Луна, летящая на птице снов

Луна, пролетаешь на птице снов,
Расскажи, что ночами снится?
Может быть, ты не находишь слов,
Или в полёте не спится?

Я сплю, я лечу, как и ты, во сне,
И не хочу просыпаться.
Я помню об этом мучительном дне –
Как с Землёю пришлось расставаться.

Ведь я её часть, её плоть и сестра,
Но только с другою судьбою.
Как будто всё было только вчера,
Землёй я была... Она была мною.

Был воздух один, и моря, и леса.
И солнце светило над нами.
В любви расцветала наша краса,
И мы умывались дождями.

На Землю обрушился с Неба удар,
Куски разметало волною,
Из них возникал новый маленький шар,
Который был назван Луною

Не удержали мою красоту
Луна и её притяжение...
Космос меня создавал на лету,
В лунных лучах, в движении...

Вот и всё, что еще рассказать?
Может быть, так, короче –
Не будите меня, мне хочется спать.
Да и птица не ждёт. Доброй ночи!

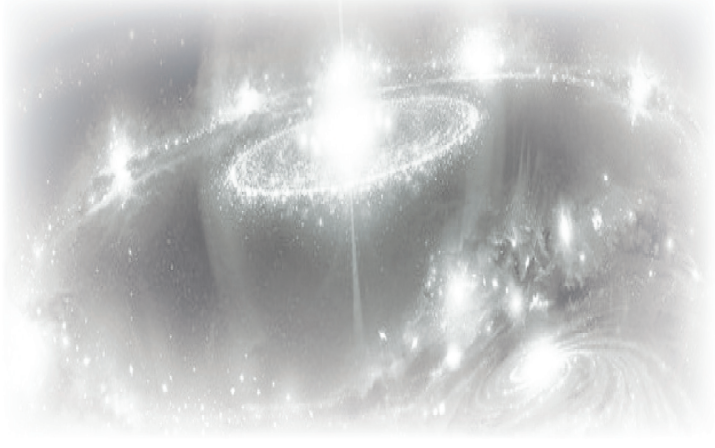
Апрель 2010 г.

Сотворение человека

Человек, человек, откуда ты взялся,
Как в суровой среде ты целым остался?
Бури, штормы, ветра тебя не сломили,
Может тебя очень сильно любили?

Или нужен ты был, подобный, кому-то
И тебя сотворили, как вид, потому-то.
А нужна была просто рабочая сила-
Добывать из земли, что она там хранила.

Чтобы делать потом корабли, звездолеты
И дальше летать, и ускорить полёты.
Боги-пришельцы из мира другого
Человека создали для дела такого.



В райском саду, среди дивных растений
Трудился над этим божественный гений.
Он о счастье мечтал, о чудесной планете,
Но в трудные будни ушли его дети.

Может счастья в их жизни всегда не хватало,
Но теплилось где-то святое начало-
Образ подобия, разум, осанка...
Осталась в тумане причины изнанка.

Человек сотворён, пусть он изгнан из рая,
Homosapiens* он, его братья – не стая.
И пошёл он вперед, по пути совершенства,
Рядом мудрость пошла, прогресс и блаженство.

Март 2013 г.

Людмила Стасенко

Хор цикад

На далёких Филиппинах,
В центре джунглей тёмных, влажных,
Горы протянулись длинной
Цепью. Было там однажды –

На поляне, на зелёной,
Окружённой лесом древним,
Где от моря дух солёный
Поселился в скалах-гребнях,
Там, где пальмы смотрят в небо,
А внизу – коврами травы,
Там случилось мне изведать
Звук – Небесному лишь равный.

Среди полной тишины, –
 Вдруг – как ангелы с небес–
Будто с самой вышины
Хор цикад заполнил лес.
И поляну, горы, скалы, –
Он заполнил всё вокруг.
Я такого не слыхала
На концертах птичьих. Вдруг
Будто по команде чьей-то
Как запел, так и замолк.
Пела скрипка, пела флейта, –
В пении был такт и толк.

На далёких Филиппинах,
Там, где горы, джунгли, море
Жило раньше и поныне
Ати-племя* на просторе –
Ати помнит, как посланцев,
Тех цикад, их пенье-ласку,
Музыку, напевы, танцы.
Выдумки, легенды, сказки.

* *Ати – племена на Филиппинах*

Елена Ткачевская

* * *

Как путешествие без багажа,
Как двух стихий граница, как межа
Между мирами, созданными всуе…
Игра воображения рисует
Фрактальные узоры, миражи.
Какого трепета заслуживает жизнь,
Когда нежданно, вроде ниоткуда
Волной приходит ощущенье чуда.
Как на скале зацепка, как мосток –
Так человечен доброты росток.
И одеваться нет желания в слова,
Когда душа и так едва жива.

27.12.2014 г.

Триолет-тавтограмма
«Сон»

Сомненье сна сродни
Скучающему случаю,
Сплетающему сеть.
Сомненье сна сродни
Стремленью сновать,

Сноровки сторонясь.
Сопротивленье свисту
Сомненью сна сродни.

10.01.2015 г.

* * *

«Мы – вымысел безвестных вдохновений,
Мы – старого рондо певучий стих.»
(В.Брюсов, 1908 г.)

Два силуэта бронзовых оленей бросают тени
На снег, подсвеченный случайным фонарём,
Неспешно зимним парком мы бредём,
Обходим лестниц скользкие ступени,
И так желанен этот путь вдвоём…

Воспоминаньям мысли отдаём,
Вверяем разговор объятьям лени,
Доверчиво в попутчики берем
Два силуэта бронзовых оленей.

Во всей Вселенной – только мы идём,
Нет искушений, есть желаний тени.
И в небесах Путь Млечный узнаём
Средь звёздных напылений и скоплений.
Сопровождают нас в пути земном
Два силуэта бронзовых оленей.

3.12.2013 г.

* * *

По миру путешествуя, пишу,
Пушкиногорьем медленно брожу,
Ищу пристанище Учёного Кота.
Понадобился Кот мне неспроста,
Покой и волю я не нахожу.
Коту об этом сказку расскажу,
Уеду. И останется с Котом
Воспоминанье обо мне, потом
Кот о беседах наших сказку сложит.
И сказку эту Пушкину доложит!

2012 г.

* * *

Я боюсь выходить из себя,
Потому что куда же вернуться потом,
если вдруг потеряю дорогу обратно,
и границы судьбы
вдруг очертятся черным квадратом…
Если я выхожу из себя,
То не так далеко, чтобы рядышком – дом,
если вдруг не увижу дороги обратной,
перепутаю ночью следы
не увижу фонарик надвратный,
всё равно возвращение будет возможно,
до себя как-нибудь достучусь осторожно.

12.01.2015 г.

* * *

Не целую, не целую,
Возмущаюсь, негодую,
Слово на слово бросаю,
Уличаю, обличаю.
Всю обиду, всю досаду
Перелить в слова мне надо,
Их разлить по склянкам мелким.
Тот напиток будет терпким,
Будет жгучим, страшным ядом,
Чтобы не было отрадным
Ни уныние моё
Ни молчание твоё...
Вот и будет нам питьё
На нескучное житьё!

7.07.2012 г.

* * *

В наших правилах игры
Обтекаемы углы,
Неустойчивы квадраты,
А трапеции покаты.
На подъём легки круги,
В каждом круге – две дуги.
Всё до целых округляем,
Даже в скобки заключаем.
Усреднение не прочь
Охватить и день, и ночь.
Вроде всё почти учли,
Подобрали все ключи,

Вычли, спрятали, сложили,
Чтоб напрасно не тужили,
Только есть тупая боль
От деления на ноль.

5.05.2012 г.

* * *

Без сожаления реальность покидаю,
Леплю другой, лишь мне понятный мир,
В котором только я дорогу пролагаю.
И мне не нужен поводырь, герой, кумир.

Но страшно оторваться от земного,
Без верстовых столбов тревожен путь.
И возвращаюсь заново и снова
В реальность, в повседневность, точно ртуть,

То рвусь к теплу, то замираю в холод.
Как предсказать назавтра, что случится?
Как нескончаем на сюжеты голод,
И в колесе судьбы неразличимы спицы…

1.10.2014 г.

* * *

Мои цветы растут при лунном свете,
Таком необжигающем, прохладном.
И тени на траву легли нескладно –
Луна за чёткость тени не в ответе.

8 - 9.09.2014 г.

* * *

На невидимой стороне Луны
Горы, кратеры – тишиной полны…

Неземного света там – через край,
Уследить за ним даже не мечтай.

В пыли лёгонькой –не цветы цветут,
Лучи жёсткие сквозь неё идут,

В глубине растут из кристаллов друзы,
В них порой бегут от поэтов музы.

Слов земных поток если им наскучит –
Значит на Луну отлучиться лучше.

На незримой той стороне Луны
От земных забот все защищены.

12.12.2014 г.

* * *

Берег буйного ветра
В лунном свете, в ночи
Как другая планета.

Где-то птица кричит,
Ветром не замечаема
В этой светлой ночи.

Оглушает молчание,
Кричи – не кричи….

2015 г.

* * *

Как без ветра красивы прозрачные, чистые лужи.
Никакой антураж дополнительный лужам не нужен.

Отраженья зеркальные ширят пространство земное.
Наклоняюсь над лужею – получаю портрет с листвою.

И ступаю по водному краю, волну нагоняя –
Что-то лужа в моем поведенье меняет.

Топну весело – веером радужным брызги взлетают.
Но не каждый прохожий мой восторг разделяет.

Как красивы прозрачные чистые лужи…

2015 г.

* * *

Не попадаю на твою орбиту,
Вселенная теперь уже закрыта

Для перелётов кораблей моих,
Пыль улеглась и ветер стих.

Мрак космоса – как бархатное платье,
Но чёрных дыр неласковы объятья.

И неприветлив межпланетный холод.
Вполне земной охватывает голод.

И я меняю бархатное платье
На корку хлеба, на твои объятья.

11.02.2015 г.

* * *

Вы, новогодней ёлки кущи,
Мечты мои храните пуще,
Смолой скрепите их душистой,
Укройте хвоей их пушистой.
И пусть иголки этой ёлки
Мечтам моим не будут колки.
И в ярких проблесках огней
Уютней будет и теплей
Мечтам моим о снеге белом,
О том, что я ещё не сделала,
О том, кто ждёт и чутким будет,
Кто всё поймёт и не осудит.

11.12.2012 г.

* * *

Бледно-лицый
Страж над плеском века.
Рыцарь, рыцарь,
Стерегущий реку.

(М.Цветаева «Рыцарь на мосту»
27 сентября 1923)

Рыцарю, стерегущему реку,
Наверное, как человеку
Бывает то грустно, то радостно
Под звон колокольный благостный
Соборов далёких, тянущихся к небу.
Ты, рыцарь, наверно, философом не был,
Романтиком – был, может был и поэтом.
Прекрасная Дама, тобою воспетая,
Закат наблюдала, тебя ожидая,
Посланья твои в замке древнем читая.
И сын подрастал, не узнавши отца,
Ещё до рожденья его, от крыльца
Направился Рыцарь в Крестовый поход.
А Дама Прекрасная рыцаря ждёт…
В небесных пространствах витает душа,
На бронзовый шлем с высоты чуть дыша,
Любимого в рыцаре не узнавая,
Металл не приемлет голубка живая…
Стал Рыцарь у времени в вечном плену
И смотрит на Град, на речную волну,
Всегда обтекаем потоком прохожих –
На Даму Прекрасную ищет похожих…

2015 г.

* * *

Зеркальные отражения –
совсем другие миры,
наши преображения
хранящие до поры

отхода в такую сторону,
где свет не вскрывает суть.
Но видимостью сближения
душу не обмануть.

Какое там время года
кружится на дворе?
Обманывает природа
нежданным теплом в декабре.

2012 г.

Всё связано…

Не без волнения ждала она того момента, когда услышит своё имя, произнесённое на неродном языке, с непривычными ударениями и интонациями…

Имя своё воспринимала она как нечто всякий раз неожиданное и даже как нечто чуждое. Звучало оно то заунывно-протяжно, напоминая тягучую карамель: «Анн-ффи-сса». То, не понятно почему, жёстко, как стук оголённых осенних веток в окно: «Ан-фи-са-ан-фи-са...». Чёткое ударение ровно на средний слог делало его очень равновесным, устойчивым, непоколебимым, не терпящим возражений и противоречий, воспринималось имя это данным ей раз и навсегда, на всю жизнь. Пережила она и ряд

неудачных попыток имя своё несколько изменить, сократить, уменьшить... Но все попытки эти имя только портили, придавая ему оттенок то воровского жаргона, то какую-то напыщенность, её характеру и манере держаться абсолютно не свойственную.

Где-то прочитала, что звучание имени накладывает отпечаток на образ человека, на жизненный путь... А имя её звучало всё по-разному, в зависимости от настроения, состояния, да и возраста. Возникало состояние, похожее на противоборство кто кого, её внутренний стержень или внешняя оболочка имени. С годами стала она слышать в имени своём какую-то степенность, спокойную уверенность, прямо купеческую основательность, что уже в противоречие с характером и внешностью не вступало... А ещё появились в звучании имени какие-то осенние интонации, созвучность самому слову «осень». Ни с каким другим временем года созвучия не чувствовалось. Вроде как само звучание этих звуков «ан», «фи», «са», «о», «сень» располагало к спокойному осмыслению чего-то прошедшего (лета?), незавершённого (летних планов?), несбывшегося (летних надежд?)...

Но о чём это она? Сегодня ведь её день, сегодня, сейчас момент, когда чёткое ощущение много чего сбывшегося, неожиданно сбывшегося. Совершенно неожиданным было её обращение к воде в научных исследованиях закономерностей развития ноосферы, но совершенно ожидаемыми были результаты анализа межмолекулярных взаимодействий воды и в воде под влиянием ноосферных факторов, показавшие лишний раз естественнонаучную и философскую справедливость утверждения о том, что всё в этом мире (да и не только в этом!) связано. Разве существует, кроме воды, стихия столь подвижная, столь пластичная, столь отзывчивая на любые воздействия, и в то же время столь компактно построенная за счёт не очень-то и прочных, но многочисленных и достаточных внутримолекулярных и межмолекулярных связей?

И вот, наконец-то, в этой северной стране, где так много воды, в этой средневековой ратуше из уст короля прозвучало её имя…

Свою нобелевскую речь она начала словами:
«Вода всё сохраняет память обо мне
Волною, всплеском, круговым движеньем,
Охватывает трепетным скольженьем
И сообщает что-то мне извне...»

2014 г.

Зинаида Фомина

Хакеры

Два приятеля, Кирилл и Олег почти ежедневно встречались у Кирилла дома, чтобы поиграть в компьютерные игры. Через какое-то время юношей стали интересовать страницы Интернета. Эти поиски их страшно забавляли и вводили в азарт. Однажды, когда родители Кирилла были на работе, а сам он немного приболел, Олег позвонил ему:

– Я скоро буду у тебя.

– Жду, – с нетерпением ответил Кирилл.

В ожидании друга он поставил себе градусник и присел на кровать. Сопротивляясь сну, время от времени он приоткрывал веки и видел в окно хмурое осеннее небо.

Прошло немного времени…

Ребята быстро включили компьютер. Отрываясь от реального мира, они уходили в виртуальный. Тогда виртуальное становилось реальным.

С помощью одной системы они перехватили информацию о международных коммуникациях через спутники связи.

– Ты видишь, я обнаружил в компьютерной сети «чёрный ход», – радостно сообщил Кирилл.

Олег подхватил:

– Это огромная удача! Мы вышли на схему наведения атомных ракет США.

Ребята получили доступ к военным секретам. Они стали хакерами.

Олег закричал:

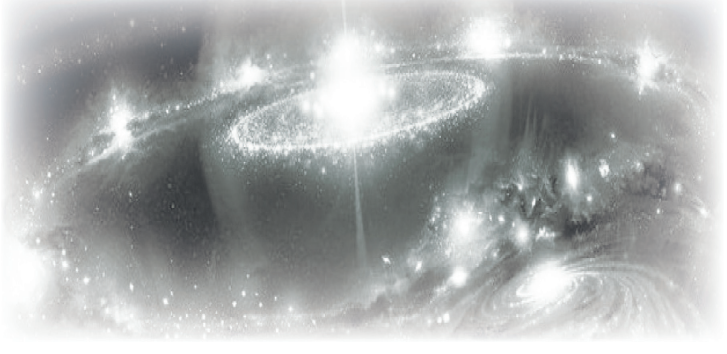
– Давай нажимай!

– Есть «нажимай», – ответил Кирилл и щелчком одной из кнопок осуществил команду на кибервойну.

Пошла атака на другой компьютер, и завязался виртуальный бой.

Тут же у Кирилла, как разряд молнии сверкнула мысль: «Что же я наделал? Надо немедленно вернуть всё назад. Ведь я могу стать виновником гибели мира?

В этот момент самые сильные развитые страны в считанные секунды стали терять своё могущество. Подводные лодки с ядерными реакторами, авианосцы, межконтинентальные ракеты, всё столкнулось в хаосе для уничтожения цивилизации на земле. Настало время «Большого Апокалипсиса». Ядерная катастрофа охватила всю планету по вине компьютерных террористов.



Резкими переливами раздался звонок в квартиру. Кирилл, открыв глаза, увидел окрашенное предзакатным солнцем окно с нависшими свинцовыми тучами, отчего создавалось впечатление, будто это какая-то другая чужая и незнакомая планета.

С трудом соображая, что происходит, и, постепенно возвращаясь к действительности, Кирилл на слабых ногах дошёл до двери и дрожащими руками повернул ключ. Впустив друга, быстро стал рассказывать:

– Ты знаешь, Олег я видел такой страшный сон. Это было, как пророчество… Действительно достижения науки можно использовать как во благо, так и во зло…, – и запнулся. – Может из-за высокой температуры…

Олег, видя, как взволнован приятель, чтобы отвлечь его, протянул ему диск:

– Давай лучше послушаем хорошую музыку.

– Давай, – согласился Кирилл. – И будем пить чай с малиновым варением.

Татьяна Хатина

Галло

Карминного цвета восток
Новой зарёй опьянён.
Декабрьских морозов шок
Над Москвой затаён.

Небо вспыхнуло вдруг
Ярким жерлом огня.
Солнца зоревый круг
Вмиг ослепил меня.

Красно-алый восток
Пламенем заполыхал,
Неба лиловый сок
Светло-лазоревым стал.

Солнца шар приютил
Рядом с собою галло.
Жаркий рассвет трёх светил!
Как мне на чудо везло..

Зимняя нежность

Ткёт зима снегопад,
Кружева из белейшего шёлка.
Невесомо летят
Стаи белых снежинок с небес.
И скользнув по щеке,
На ладони опустится колко
Нежный символ зимы,
Предвкушенье волшебных чудес.

Эта сказка снегов
В серебристо-хрустальном узоре,
Утопая в лесу,
Бело-розовый стынет рассвет,
А вокруг тишина,
И сверкает алмазами поле.
И летит свысока
В белоснежной гармонии свет...

* * *

Согрею озябшие плечи
Я шалью своей кружевною.
Сиреневый спустится вечер,
Звезда над моей головою.
И грусти усталые струны
Звучать перестанут...

* * *

На листе берёзы яркое пятно,
Россыпь чёрных точек, да, на красном.
Подползла и молча улетела,
Яркая, как свет зари весенней.
Боже! Это Божия коровка...
Загадай желание!

* * *

Виноградные грозди лаская, на столе,
Где сквозь ветви берёзы,
Вижу неба лазоревый купол.
И лучи заходящего солнца
В виноградинках тайной искрятся..

* * *

Месяц серебряный в пруд окунулся
И на воде закачался игриво.
Ветер так нежно воду ласкает,
От красоты замирая осенней.
Тихая ночь на сады опустилась...

* * *

На ложечке чайной солнечный зайчик,
В фарфоровой чашке края золотые.
Янтарный, горячий с лимоном и мёдом,
Я в чашку налью чай со вкусом жасмина.
Какое блаженство! Мгновение жизни...

* * *

Ручей игривой змейкой по камням
Журчит, обкатывает и ласкает камни,
Особой музыкою слух мой услаждая...
Так нашу жизнь огранивает время.

* * *

Разлилась грусть по маленькой кухне.
На столе недопитая чашка,
Горек кофе без сахара...
Тихо колдуют часы на стене,
Мгновенье за мгновением время убегает
к рассвету.

* * *

Срывается ручей с крутого склона,
Весеннюю кантату напевая,
По камушкам перебирая нотки.
Бежит вода, не зная перерыва.
Движение – жизнь!

* * *

Свет далёкой звезды –
Это отклик Вселенной,
Что даёт нам надежду и веру
Встретить новое время,
Разорвав притяжение земное...

* * *

Какая печаль в крике одинокой чайки,
Где небо сливается с морем...

* * *

На ветвях отдыхает усталое солнце,
Тень у дуба резным кружевом замирает.
Встав на цыпочки, ель молодая
Гордо несёт свою вершину к солнцу.
Тонкой сеткой от нежного ветерка
Долго трепещет серебро паутины,
Растянувшейся между ветвями шиповника.
Ало – розовые крупные ягоды
Горят на кусте, как кораллы...

* * *

Краткость – сестра таланта,
Как мне понять эту истину?
В капле пусть плещется море...

* * *

Крупные гроздья сирени
Шепчутся за моим окном.
Открою окна, пусть ворвутся
Запахи весны в мой дом.
Подарите себе радость....

Литературно-художественное издание

Фантазия

сборник произведений участников
ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ДОМА УЧЁНЫХ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Авторы сборника:

Адлина Лариса Леонидовна
Балкаева Нина Александровна
Божор Наталья Юрьевна
Гиршгорн Вадим Моисеевич
Колодяжная Людмила Ивановна
Плиско Людмила Фёдоровна
Поляков Василий Евгеньевич
Скавронская Мария Эммануиловна
Скорикова Татьяна Петровна
Сорокина Наталия Иосифовна
Стасенко Людмила Ивановна
Ткачевская Елена Петровна
Фомина Зинаида Петровна
Хатина Татьяна Майевна

Редактор
Колодяжная Л.И.

Корректура авторская

Дизайн, макет, вёрстка
Ткачевская Е. П.

Подписано в печать 16.03.2016.
Формат 84x108/32
Гарнитура Times New Roman; *Monotype Corsiva*

Издание подготовлено при содействии
ЛИТО ЦДУ РАН
Москва, ул.Пречистенка, 16
http://lito-cdu.ru/o-lito/
Художественное оформление книги выполнено с использованием фрагментов графических изображений из доступных интернет-источников по соответствующему тематическому запросу.